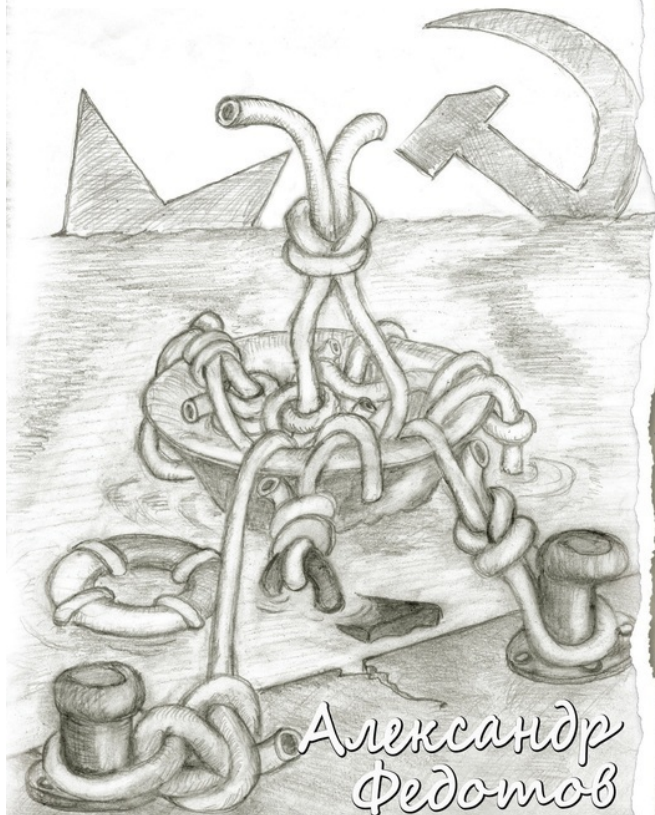

МАКАРОНЫ ПО-ФЛОТСКИ

Александр
Федотов

Сборник рассказов

Александр Федотов Макароны по- флотски (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4912320
Федотов А. Макароны по-флотски: СПб; 2012
ISBN 978-0-9858121-1-9*

Аннотация

Книга рассказывает о весёлых, трагичных, курьезных и всегда очень характерных событиях, свидетелем которых автор стал во время его службы матросом на ракетном крейсере Тихоокеанского Флота. Все события, описанные в этой книге, происходили в реальной жизни: жизнь ярче и выразительнее любой выдумки. В эту книгу автор включил дополненные и расширенные истории, вошедшие в его первый сборник флотских рассказов («Записки матроса с «Адмирала Фокина», Москва, «Ленор», 2008 г.), и добавил к ним много новых.

Содержание

Всё, о чём рассказываю...	6
Часть 1	14
Приписка	15
Питерский призыв	20
Внучатый племянник	28
ПТК	35
Часть 2	42
Корабль	43
Фокинцы	47
Папа	64
Потомки легендарных комиссаров	72
Большой Зам	80
Как у «оленя» шило увели	93
Тупой и картошка	99
Марш-бросок	114
Переезд	124
Стенгазета	130
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Александр Федотов

Макаронны по-флотски

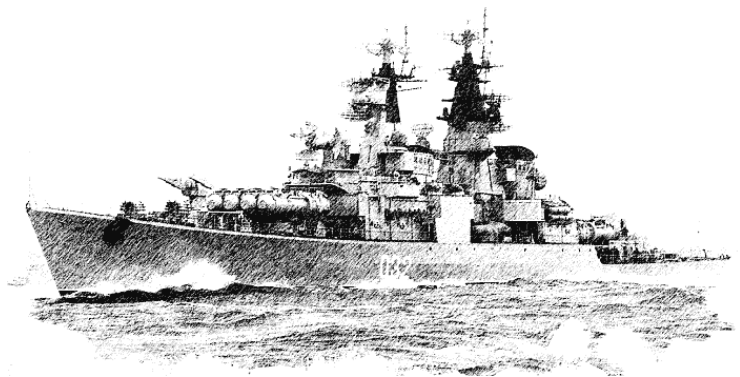
*Посвящается моим замечательным родителям
Татьяне и Алексею Федотовым*

Жизнь, она, как тельняшка, состоит из множества полос: черных и белых. В жизни бывает, что черная полоса подчас уже, а белая шире, или наоборот. А на флоте, у матроса, всего две одинаковые по ширине полосы. Черная и белая. Первая половина службы – черная полоса, а вторая половина службы – белая. И если у кого-то эти полосы по ширине разные, то это неправильный матрос...

Роман Фролов

Матрос с ракетного крейсера «Адмирал Фокин».

Внучатый племянник Командующего Тихоокеанским Флотом, Адмирала В. А. Фокина.

Всё, о чём рассказываю...

*Матросы – отродье хамское, но дело своё
разумеют. А посему! Жалование платить, в
кабаки пускать, девкам любить. Посobie из сукна
выдавать. Будучи за границей, на берег не спущать.
Ибо он умного слова не скажет и драку учинит.
(Петр I)*

Все события, о которых я рассказываю в этой книге, происходили в реальной жизни. Я сам был участником или сви-

детелем описываемых событий во время своей службы матросом на ракетном крейсере Тихоокеанского Флота, или я по свежей памяти записал рассказы очевидцев, чьим словам я полностью доверяю. Мне ничего особо и не надо было выдумывать: жизнь ярче и выразительнее любой выдумки.

В эту книгу я включил дополненные и расширенные истории, вошедшие в мой первый сборник морских, вернее флотских рассказов («Записки матроса с «Адмирала Фокина», Москва, «Ленор», 2008 г.), и добавил к ним много новых... В том числе те истории, которые рассказали мне мои друзья и сослуживцы: Дмитрий Голиков и Роман Фролов, а так же мой брат Митяй Федотов, служивший не на флоте, а радистом в Заполярье, на берегу холодного Карского моря. Я очень благодарен им за их чувство юмора и за ту помощь, которую они оказали мне в подготовке материала для этой книги. Вместе мы провели не один долгий вечер, сидя на кухне и вспоминая весёлые, трагичные, курьезные и всегда очень характерные истории, произошедшие с нами во время нашей службы. Эти вот истории и легли в основу моего нового сборника.

Армию и флот называют школой жизни. Это действительно так. Служба в наших вооруженных силах – это зачастую испытание всей сущности человека в условиях, максимально приближенных к экстремальным... Это школа жизни, которая на моих глазах некоторых людей ломала физически и, самое страшное, ломала морально, но она же воспитывала

и характер, открывала человеку глаза, заставляла по-новому взглянуть на людей, на привычные вещи и произвести реальную переоценку, казалось бы, незыблемых ценностей. На корабле я видел и закоренелых пролетчиков, а по сути – честных, справедливых людей, настоящих мужчин, и передовиков-отличников, которые, на поверку, по своим моральным качествам этим пролетчикам и в подметки не годились. И эта книга о том, как я и мои друзья проходили эту школу жизни.

До службы я, наивный призывник, знал об армии и флоте только по советским военным фильмам и телевизионной программе «Служу Советскому Союзу!». Ну и по героическим рассказам ветеранов, выступавших перед школьниками по случаю очередной годовщины Победы. Я свято верил, что так оно и есть на самом деле, что в наших доблестных вооруженных силах дисциплина и порядок, что опытный наставник, старослужащий, обращаясь к молодому матросу, всегда отдаёт ему честь и уважительно говорит: «Товарищ матрос...» Мне тогда было восемнадцать лет. И я тоже, как те ребята из телепередачи, хотел увлекательно и с пользой, провести три года своей жизни, честно служа неделимому и навеки сплоченному Советскому Союзу. В то время у меня, как и у большинства моих сверстников, и в мыслях не было «косить» от армии. Почему и ожидал меня на флоте, как бы это помягче выразиться, маленький сюрприз.

В любом замкнутом и изолированном на долгое время от остального общества коллективе со временем возникают

свои законы, нормы поведения, своя иерархия, свой неуставной табель о рангах, и армейская/флотская жизнь – самая подходящая среда для таких проявлений. Как и положено всякой иерархии, она построена по принципу пирамиды, вертикали власти, где нижние «чины» беспрекословно подчиняются высшим под угрозой физической и моральной расправы, так называемой «годковщины» на флоте или «дедовщины» в армии. Те, кто прошел три года службы на флоте, знают эти законы неуставной иерархии как свои пять пальцев. Там этой науке обучают быстро, и запоминается она на всю жизнь. Обучение начинается с первой же секунды, как молодой матрос вступает в свое первое, пусть даже мимолетное, непосредственное соприкосновение со старослужащими.

Важно понимать, что при отсутствии нормальной контрактной вольнонаёмной армии, когда у солдат и матросов нет реальных человеческих и гражданских прав, на этой пресловутой годковщине, в основном, и держится вся воинская дисциплина. Получить по морде от годка за недобросовестно выполненный приказ караси бояться куда больше офицерского «наряда вне очереди». Офицеры это знают, и многие этим пользуются...

В этой книге я, однако, пишу не о годковщине как таковой. Она составляет лишь одну, хоть и очень существенную, часть флотской действительности. Я пишу о жизни. Пишу о том, как мы, восемнадцатилетние пацаны, вырванные не по

своей воле, а в рамках всеобщей воинской повинности, из комфортабельной, привычной домашней обстановки и втянутые, как в омут, в инородную казенную среду, вынуждены были приспособливаться там жить. Жить по совершенно новым, непонятным нормальному человеку законам и понятиям, зачастую чуждым логике и здравому смыслу. Я пишу о том, как даже в тех условиях мы находили возможность радоваться этой жизни. Пишу о людях, с кем мне довелось служить, рассказываю об отношениях, с которыми мне и моим друзьям пришлось столкнуться.

Я служил на флоте три года, с 1986 по 1989. С тех пор много воды утекло в Тихий океан. Сейчас срок службы сократили до одного года. На первый взгляд кажется – какая ерунда! Один год! Какая теперь-то тут может быть годковщина? Спать вечером «карасём» ляжешь, а утром уже дембелем проснешься. Но это только на первый взгляд...

Когда я уже дописывал последние страницы этой книги, мне неожиданно позвонил мой друг, состоятельный бизнесмен из Владивостока. Два месяца назад он отдал служить в армию своего младшего сына. «Отмазать» его от службы, если бы он захотел, ему не составило бы большого труда: связи и деньги имелись. Но он принципиально сказал сыну: «Ты пойдёшь служить. Из-за того, что всякие уроды сейчас косят от армии, и бардак такой в стране. И 59-ю статью Конституции России, которая гласит: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина», ещё никто не отменял.

А раз ты гражданин России, то будь добр – иди и служи честно.»

И вот через два месяца растерянный и потрепанный новобранец-сын вырывается на выходные домой и рассказывает ему о таких армейских реалиях, что у отца волосы на голове зашевелились. Сын в конце сказал, что, узнав кто у него отец, удивленные офицеры и годки спросили его: «Ты как сюда попал? Почему твой крутой папаша тебя не отмазал?! Неужели денег пожалел?»

Сын ответил словами отца, что-то про честность, долг и Конституцию... Офицеры и сослуживцы смеялись долго, от души: «И ты – придурок, и отец твой – мудака...» – выдали они своё однозначное заключение.

Теперь у моего друга задача одна – поскорее положить конец этому неудачному эксперименту.

Что же получается: со времени моей службы на флоте прошли годы, а там ничего по сути не изменилось. Всё стало только более концентрированным, сжатым по времени. Ясно одно, эта книга актуальна и сегодня. Пока матросы и солдаты в наших вооруженных силах остаются бесправной и бесплатной рабочей силой, бардак и годковщина там будут продолжаться.

Как правильно сказал мой друг, Рома Фролов: «Служба на флоте – она как тельняшка», а там, где есть черное, всегда, конечно, есть и белое. Надо понимать, что за три года службы на флоте было много и положительных моментов, и веселых

историй. И самое главное: мне посчастливилось служить на корабле вместе со многими настоящими людьми. И эта книга тоже об этом. Хотя... если подумать о весёлых историях, то большинство из них пришлось всё-таки на последний год службы. По «карасевке» было не до веселья...

И именно по этому, добавив в новый сборник много смешных рассказов, я специально не делал из этой книги просто коллекцию флотских баек. Я хотел, чтобы моя книга дала читателю возможность задуматься о сути многих вещей, которые до сих пор происходят в наших вооруженных силах, в условиях изоляции от правового и гражданского общества. И есть слабая надежда, что это поможет изменить что-нибудь к лучшему.

Три года срочной службы на ракетном крейсере Тихоокеанского флота до сих пор остаются одновременно одними из самых трудных и самых памятных в моей жизни. Они оставили в моей жизни неизгладимый и неоднозначный след. И первый год службы занимает там своё отдельное, особое место. Но... каждое последнее воскресенье июля мы, бывшие сослуживцы-друзья, вместе с семьями идём на набережную Невы к Медному Всаднику праздновать день ВМФ.

А летом, когда мы дружной ватагой отправляемся в наш ежегодный поход на Карельский перешеек, то, выстроившись на берегу лесного озера, неизменно начинаем поход с торжественного подъема военно-морского флага. И наши дети тоже с особенным чувством гордости надевают по этому

торжественному поводу полосатые тельняшки и строго следят за тем, чтобы не коснулся земли развевающийся на ветру красnozвездный военно-морской флаг...

Автор.

28 Марта, 2012 года. Санкт-Петербург.

Часть 1

Призыв

Форма № 29

Призывнику Фролову Владимиру Алекс.
проживающему _____

П О В Е С Т К А

На основании Закона «О всеобщей воинской обязанности» Вы призваны на действительную военную службу и зачислены в команду № 78^{а в}
Приказываю Вам «9» мая 1987 г. к 12 часам
явиться для отправки на сборный пункт по адресу _____

Ветеринский ТРЗК

Ивановский Военком
Ивановский
звание, подпись

М. П.

«25» апреля 1987 г.

(смотри на обороте)

ОБЯЗАННОСТИ ПРИЗВАННОГО

1. Явиться для отправки в войска вымытым в бане и коротко постриженным, одетым по сезону в исправную одежду и обувь, имея при себе: шару нательного белья, полотенце, мешок или чемодан для укладки собственных вещей, а также ложку, кружку и туалетные принадлежности.

2. Перед явкой для отправки получить расчет по месту работы, а членам КПСС, кандидатам в члены КПСС и членам ВЛКСМ, кроме того, сняться с партийного или комсомольского учета.

3. Иметь при себе паспорт, принятое свидетельство, удостоверение о сдаче норм на оборотные значки и спортивные разряды, окончившим подготовку в учебных организациях ДОСААФ — соответствующие справки о полученной специальности, шофера (тракториста) — удостоверение на право вождения автомобиля (трактора), членам КПСС, кандидатам в члены КПСС и членам ВЛКСМ, кроме того, партийный или комсомольский билет.

Приписка

До службы спал хорошо, потому что знал, что меня охраняют. Во время службы спал плохо, так как сам охранял. После службы вообще не сплю, так как знаю, как охраняют...

(Шутка)

Раздетый до трусов, я стоял, переминаясь с ноги на ногу, в обшарпанном коридоре Ленинградского Военкомата, расположенного символично невдалеке от знаменитой питерской тюрьмы «Кресты». На дворе был теплый солнечный день весны «доперестроечного» 1986 года, а здесь с военкоматского потолка на меня тускло светили моргающим холодным светом запыленные лампы дневного света.

Я стоял, замирая в ожидании, то и дело, прислушивался к звукам, доносившимся из-за массивной, покрытой об-

шится!» Я приоткрыл скрипучую дверь и осторожно протиснулся в залитый дневным светом просторный кабинет. Передо мной за длинным, составленным из разнородных частей столом сидели и окидывали меня безразличными взглядами шесть человек. Четверо мужчин и две женщины. Все они были в белых халатах, у мужчин халаты были накинуты на военную форму. Перед ними в разнородных стопках в форме организованного беспорядка были разложены папки с медкартами и личными делами призывников. Я прикрыл за собой дверь и, собравшись с духом, сделал два четких строевых шага, по направлению к столу. Вытянувшись по стойке смирно, я замер, стоя на всеобщее обозрение в застиранных семейных трусах посередине комнаты, как александрийской столп. Некоторое время, члены комиссии соблюдали молчание, пробегая по мне скучающими взглядами. Один из военврачей, видимо старший в комиссии, полковник медицинской службы, взял в руки мою медицинскую карту и стал бегло пролистывать ее, шевеля толстыми губами и негромко озвучивая разбросанные по разным страницам отметки: «ПЛ» (что означало: «подводная лодка» или «годен без ограничений»). Полковник долистал мою карту до конца, поднял голову и, зевая в кулак, спросил:

– Есть вопросы к комиссии?

Это был он – мой шанс! Я сделал шаг вперед, звонко впечатав голую пятку в потертый линолеум.

Полковник напрягся.

– Товарищ полковник! Прошу направить меня служить в морскую пехоту! Я спортсмен, имею второй юношеский разряд по борьбе.

Про борьбу и второй юношеский разряд я, конечно, малость приврал (я всю жизнь вообще-то прыжками с трамплина на лыжах занимался), но «второй юношеский» был не особо-то и разряд. Члены комиссии переглянулись, явно не ожидая такого рвения.

– Боец, здесь кричать не положено. Не в атаку идёшь, – медленно протирая золотые очки, сказал старший в комиссии.

– Я хотел как лучше, товарищ...

– Не надо как лучше, надо как положено.

Члены комиссии посоветовались. Полковник сделал в моей карточке какую-то отметку, встал и торжественно произнёс:

– Комиссия сочла возможным удовлетворить просьбу призванного Федотова и направить его на службу в военно-морской флот. Дату призыва вам сообщат повесткой.

– Спасибо, товарищ полковник! – радостно выкрикнул я.

Скрипнув босыми пятками по линолеуму, я лихо развернулся на месте и строевым шагом вышел в коридор. Все мое существо ликовало.

– Сле-е-дующий! – раздался дежурный голос.

– Ну как? Куда тебя? – посыпались на меня со всех сторон вопросы.

– В морскую пехоту! – гордо выпалил я.

– Вот это да!.. Повезло!.. – завидовали ребята

Одно обстоятельство, всё же, немного омрачало мое ликование. По правде говоря, я не совсем понимал, что произошло. Почему полковник сказал просто: «военно-морской флот»? Я же просился в морскую пехоту! Перепутал? Но я же ясно просил. Нет, не может быть, чтобы он перепутал. Морская пехота хоть и относится к морскому флоту, но это – не три, а два года. Это большая разница! «Разберутся. Не могут не разобраться», – успокаивал я сам себя. Я же просил...

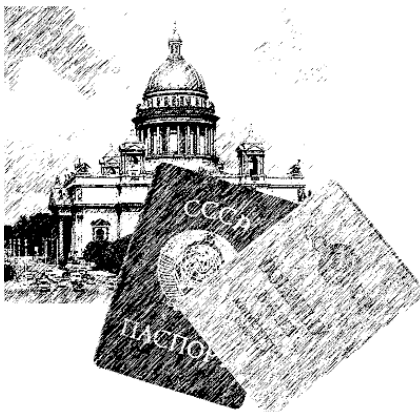
Это сейчас, отслужив три года на флоте, я грустно улыбаюсь своей тогдашней наивности, а тогда... Тогда мне просто было восемнадцать лет.

Питерский призыв

*Когда государство от тебя что-то хочет, оно
называет себя Родиной.*

(Поговорка)

*С высоких сопок Дальнего Востока,
Где раньше всех встречаем мы рассвет,
С прекрасной бухты Золотого Рога,
Шлю вам матросский пламенный привет!
(Флотский фольклор)*

В указанный на повестке день, заранее бритый наголо, я в сопровождении взволнованных родителей добровольно явился в военкомат для прохождения воинской службы. Настроение было веселое и приподнятое; какое обычно быва-

ет перед началом увлекательного приключения. Весело перешучиваясь с другими призывниками, я пригнулся к окошку дежурного, протянул паспорт и назвал свою фамилию.

В ответ майор, довольно потертого вида, протянул мне из окошка листок бумаги, вроде квитанции: «Вот здесь фамилию свою напиши. И инициалы напиши, только сокращенно, и распишись.» Я расписался и передал бумагу обратно вглубь окошка.

– Получишь после службы Родине, – ухмыльнулся майор, пряча в ящик стола мой паспорт.

– Чтобы не сбежал, – пояснил кто-то поблизости.

Неплохо устроено. Без паспорта ты ноль: ни на работу не устроишься, ни на учебу. Впрочем, тогда я не придал этому обстоятельству особого значения: порядок есть порядок. Армия!

Я вышел во двор. Возле военкомата гудела разномастная толпа призывников и родителей. Все ожидали «покупателей», так здесь все называли офицеров, откомандированных от разных воинских частей за, так называемым, «молодым пополнением». Моим «покупателем» оказался флотский капитан-лейтенант, его сопровождали два матроса.

В толпе шумели, смеялись, утирали глаза платочками и уже в который раз на прощанье обнимались и говорили напутствия: ожидалось, что вот-вот начнётся отправка. Наконец во двор вышел военком, полнолицый и важный подполковник. В фуражке, прозванной «аэродромом» из-за огром-

ного круглого верха, он выглядел очень воинственно, за что тут же получил кличку «Пистон».

Пистон вышел на середину двора в сопровождении тощего долговязого капитана и приказал построить призывников на перекличку.

– Становис-с-с-с-с-сь! – с долгим подсвистом прокричал капитан.

Толпа немного присмирела, но на команду не среагировала.

– Бойцы! – зычно гаркнул Пистон. – Команда «становись» выполняется бегом!

В разномастной толпе началось броуновское движение, из неё поодиночке и кучками отделялись призывники и постепенно сбивались в нечто похожее на строй. «Капитан, доложите о наличии призывников», – распорядился военком. После переклички выяснилось, что отсутствует один призывник по фамилии Бакурадзе. Родители начали поиски.

Пистон двинулся вдоль неровного шевелящегося строя, придирчиво осматривая наш внешний вид. Выражение на его лице сложилось такое, как если бы он только что откусил кусок незрелого лимона. Он остановился напротив белобрысого парня в солнцезащитных очках-капельках, одетого в модные голубые джинсы с красной надписью «USA», красиво вышитой на накладном кармане. Фуражка-аэродром подпрыгнула на красной пистоновой лысине.

– Товарищ призывник! – Пистон гневно вытаращил глаза

на иностранную надпись. – Что у вас с формой одежды!?

Паренёк с недоумением поглядел на свои джинсы: не испачкался ли где по неосторожности:

– А что?

– «Что?!!» Он говорит мне: «А что?»!.. Вы почему явились на призыв в масштабе Советских Вооруженных Сил в штанах наиболее предполагаемого противника!?

– Джинсы как джинсы... – новобранец продолжал растерянно осматривать себя то спереди, то сзади, крутя стриженной головой.

– Товарищ призывник, я вижу, что через эти штаны мировой империализм уже проник к вам в голову!

Наконец до паренька дошло, в чём дело, и он с готовностью пояснил:

– ЮСА – это просто название страны. По-английски.

– По стойке «смирно» стоять не умеет, а разговаривает! – обратился Пистон к притихшему строю. – Товарищ призывник, если вы хотите что-то умное сказать, то лучше молчите. Причина неуставных отношений в армии и начинается с ношения таких вот штанов неустановленного образца.

С выражением полного морального превосходства на лице, военком, продолжил движение вдоль строя, переходя к следующей жертве.

– А у вас, товарищ призывник, – обратился он к смуглому кудрявому парню в широких тренировочных шароварах, – что у вас из карманов топорщится?

– Естественная неровность одежды, товарищ дважды майор!

Пистон на какое-то время задумался, но ненадолго: – Ещё один клоун нашелся. Я вам, товарищ призывник, не дважды майор, а одиножды подполковник Советской армии! Для тех, кто не разбирается в звездных отличиях, поясняю: это над майором и под полковником. Ясно?

Кучерявый кивнул головой, понятиливо улыбаясь.

– Разболтались в гражданских условиях. Ну, ничего. Другие офицеры нашей армии, – Пистон сделал неопределённый жест рукой в сторону «покупателей», – не такие добрые папы Карло, как я!.. Слещут вам все естественные и неестественные неровности по самое «не балуй»!

И тут перед строем вытолкнули худенького и испуганного недостающего Бакурадзе.

– Как фамилия? – грозно спросил Пистон.

– Бакурадзе...

– Почему отсутствуете, товарищ призывник?

– Я в туалет ходил.

– В туалет! Вы бы еще в театр сходили!.. Ничего, в армии вас быстро отучат оправляться в неуставные моменты времени... Встаньте в строй!

Бакурадзе, потупившись, протиснулся в самую глубь строя, подальше от начальственных глаз.

Военком прекратил осмотр, вышел на середину двора, многозначительно вскинул голову и, дождавшись полной ти-

шины, торжественно провозгласил:

– Служба Родине, товарищи, – священный долг каждого советского юноши! Идеальные солдаты нам не нужны. Наше дело их воспитать. Из вас, мальчиков-призывников, мы сделаем мужчин-защитников Родины!..

Говорил Пистон долго и эмоционально, а закончил свою речь приподнято-призывно: «По машинам, товарищи!»

Поехали! – пронеслось у меня в голове. Я обнялся с родителями и не мешкая полез в крытый грузовик. Я тогда ещё не отдавал себе отчета в том, что увижу их только через три долгих года. Мы не знали, ни куда нас везут, в Сибирь или в Афганистан, ни в какой род войск нас действительно приписали: то ли в десантники, то ли во флот, то ли в стройбат. Наши провожатые молчали, строго храня только им понятную военную тайну. Наконец я не выдержал и спросил главного из них:

– Товарищ, капитан-лейтенант, а куда нас везут? В чем военная тайна-то?

– Военная тайна не в том, куда вас везут, товарищ призывник, а в том, что везут именно вас, – загадочно ответил офицер и замолчал.

Я понял: спрашивать бесполезно. Почему нам ничего этого не говорили, мы не знали, но как-то слепо верили в глубокий смысл всего происходящего. Это теперь я понимаю, что вся военная логика и весь глубокий смысл заключаются в одном единственном ёмком слове начинающемся на «дол-

бо» и кончающимся на «изм», а тогда... тогда я свято верил: раз не говорят, значит так надо.

Впрочем, если честно, то тогда мы по этому поводу особо не напрягались. Мы весело перешучивались и глушили зашхеренные по разным местам горячительные напитки. Хотя на предмет спиртного нас и обыскивали в Военкомате, но куда им до нашей молодой здоровой смекалки. Мой сосед, слева, засунул резиновый шарик во флягу, заполнил его водкой, завязал и протолкнул внутрь, а сверху залил клюквенным соком. Хочешь – проверь, даже попробуй, сок как сок, а проколи шарик иголкой – вот тебе и вечный кайф! Некоторые из будущих защитников Родины уже с трудом держали свои туловища в вертикальном положении.

– Не понимаю, как можно так пить? – возмущался сопровождающий нас офицер. – Ну, выпил одну стопку, ну две, ну литр, но зачем же так напиваться?..

– Не бойсь, товарищ военный, – успокаивал его, заплетаясь языком, щербатый парень в зелёном вязаном свитере, – перед армией святое дело выпить-закусить... Даже песня такая есть... – и вязаный свитер уныло затянул:

*Мама, не ругай меня, я пьяный,
Я сегодня пил и буду пить.*

Мы дружно подхватили:

Потому что завтра утром ранним

Повезут нас в армию служить.

– Отставить песню! – приказал офицер и добавил: – И везут вас не в армию, а на флот.

Мы переглянулись: на флот! Так мы на шаг продвинулись к разгадке «военной тайны». Осталось догадаться, где находится конечный пункт нашего следования.

– Хилое поколение растёт, – не унимался сопровождающий офицер, – пьёте, курите, безобразия безобразничают... Вот, посмотрите, даже девушки курят, – он указал на проходившую по тротуару пару. – Парень идёт, курит, девушка идёт, курит... А потом у них такие же дети появляются...

– Мода такая.

– Что мода!.. Вот я не курю и в рот не беру...

Молодой хохот потряс грузовик, а офицер уточнил:

– ...Спиртного... Отставить нарушение субординации смехом!

Разомлев от горячительных напитков, мы понемногу начали собирать остальные части головоломки. Вторым ключом стали написанные золотыми буквами на ленточках бескозырок сопровождающих нас и молчащих всю дорогу матросов слова – «Тихоокеанский флот». А уже в аэропорту мы увидели высвеченное на электронном табло рядом с номером нашего рейса название города – Владивосток.

Внучатый племянник

*Попал на флот гордись, не попал – радуйся.
(Поговорка)*

***Справка:** Внучатый двоюродный племянник – внук двоюродного брата или сын двоюродной племянницы или троюродный внук. Обратным отношением является троюродный дед.*

В октябре 1983 года ученику лесотехнического техникума города Ухты Роману Фролову пришла наконец долгожданная повестка из Военкомата. Он давно и с нетерпением ждал этого момента и даже волновался, что повестка не приходила. Как и все его друзья, Рома даже не думал «косить» от армии. Служить считалось нормальным, правильным, обыч-

ным делом. На тех, кто не служил, смотрели как на каких-то неполноценных, дефективных. Все знали, что освобождают от службы, как правило, только по какой-нибудь болезни.

В это время, шел разгар военных действий СССР в Афганистане, а на телевизионных экранах в программе «Служу Советскому Союзу!»: сменяли друг друга бодрые репортажи из воинских частей и гарнизонов; улыбающиеся статные и brave солдаты и матросы красиво ходили строем, лихо преодолевали полосы препятствий и бодро рассказывали о том, как им повезло, как много нового они узнали и чему интересному научились в своей новой дружной армейской семье. Об Афганистане телевизор не распространялся. Правда, изредка проскакивали короткие и неизменно оптимистические вставки о выполнении где-то кем-то интернационального долга. И снова красивые картинки – brave солдаты и увлекательные патриотичные репортажи.

Обрадованный с повесткой в руках Рома в назначенный день явился в местный военкомат. В тесном казенном помещении собралось ровно двадцать восемь призывников: явились все, кто получил повестку. Бросилось в глаза, что все были крепкие, спортивные, как на подбор. Многих Рома знал в лицо. Ухта – город маленький, и все эти ребята мелькали в единственном на весь город Дворце спорта, в разных спортивных секциях, вроде бокса или легкой атлетики. Рома и сам с третьего класса занимался там и самбо, и плаванием, и даже лыжами. Жилистый и спортивный, он, однако, ока-

зался среди собравшихся здесь крепышей чуть ли не самым мелким.

Ребята в военкомате в этот день собрались сообразительные и сразу смекнули, что это неспроста, если вызвали одновременно почти всех спортсменов-одногодков города...

К ним в коридор вышел широкоплечий прапорщик и без всяких обиняков, прямо и заявил:

– Ну, что, пацаны, в Афганистан готовы?

В Афганистан! Ещё бы, не приобщиться к такому интересному мероприятию! Кто же не хочет? Приключение, да ещё какое! Да и, кроме всего, отличная возможность на халаву из Ухты выбраться, на мир посмотреть. Будет, что потом вспоминать-рассказывать!..

– А почему бы нет. Конечно. Можно и послужить! – слышалось со всех сторон.

– Товарищ прапорщик, а отбор по росту будет проводиться? – забеспокоился Рома. – У меня, например, только метр шестьдесят девять?.. Меня возьмут?..

– Не дрейфь, браток. Там вытянут! – прапорщик похлопал Рому по плечу. – Короче, если возражений нет, вы все причисляетесь к афганской команде номер 54К... Говорить родителям или нет, решайте сами...

Рома про себя твердо решил, что матери про Афганистан говорить точно ничего не будет. Скажет просто: команда 54К – и всё. Зачем человека зря тревожить. Страшного-то ведь ничего нет.

Через неделю началась подготовка. В подвальчике одной из жилых пятиэтажек для них создали специальную парашютную школу. От ДОСААФ выделили инструктора. Занималась команда 54К полгода по два-три раза в неделю. К концу занятий со стандартным десантным парашютом Д-5, именуемом в простонародии: «Дуб», когда на его укладку по нормативу отводилось сорок пять минут на двоих укладчиков, Рома один, с закрытыми глазами, управлялся за пятнадцать. Но сколько же можно укладывать! Уже хотелось, наконец, хоть разок и прыгнуть.

Вскоре начались и прыжки. Три прыжка с временным прибором, когда парашют раскрывался автоматически через назначенные секунды. И два прыжка с высотным прибором, где самому дёргать за кольцо приходилось, а прибор только страховал, если кто потерял сознание или з-заикаться с-стал, от-тсчит-т-тывая с-сек-кунды. Для таких прыжков их специально два раза в Сыктывкар возили на базу ДОСААФ.

На этой самой базе они в первый раз и услышали странное название – «Спецназ ГРУ». Оба слова в начале восьмидесятых были словами неизвестными, интригующими своей таинственностью: На базе выяснилась и расшифровка: Войска Специального Назначения, Главное Разведывательное Управление. Вот, оказывается, куда их все полгода так усиленно готовили! Спецназ – элита! Не какая-нибудь там обычная десантура.

Подготовка наконец закончилась, и будущим спецназов-

цам оставалось теперь только ждать следующей повестки. А вскоре ребята из афганской команды стали эти повестки получать. Требовалось явиться для окончательной «приписки» к определённомu роду войск. В военкомате всех ребят из пятьдесят четвёртой команды назначили в Спецназ ГРУ (армейская разведка), но соблюдая режим секретности, озвучили, что приписали к погранвойскам КГБ. Всем назначали один день призыва – 28 апреля 1984 года. Ну, вот и дождалась! В Афганистан! На войну!

Роман Фролов тоже явился по повестке в военкомат – за своей, уже решенной за него судьбой.

– Держи! – сказал дежурный капитан и вручил Роме приписной талон.

Рома глянул и не поверил своим глазам: в документе стояла совсем другая дата призыва: 9 мая 1984 года. Как раз День Победы.

– Не понял? – опешил Роман. – А как же ребята? Они же все 28 апреля?

– Ты пойдёшь служить на Флот, – не стал вдаваться в подробности капитан. – Всё. Иди. Поздравляю!.. Следующий!

Что за чертовщина?!.. Всё рушилось! Все ожидания – к черту! Как же ребята? Как же Афган? Нас же полгода готовили! Как же Спецназ ГРУ?! Какой флот?! Какие ещё, на фиг, три года?!

– Да ладно, пацан, не переживай, – успокаивал расстроенного призывника военкоматовский прапорщик, – может,

тебя ещё в морскую пехоту определяют... Там два года...

– Какая, там, Морская пехота?! Там в штурмовых бригадах у всех рост 186 сантиметров – минимум! Это в десантуре всего 172...

Так прапорщик и не успокоил.

Вернулся Рома домой, подавленный, грустный. Как всё объяснить матери и про команду 54К, и про флот, и про три года? А ей и самой было что своему сыну поведать. Оказывается, у неё на работе была подруга. А у подруги работал в военкомате муж заместителем начальника! Когда ромина мама рассказала своей подруге про команду 54К, та, разузнав у мужа подробности, всё ей быстренько в деталях и красках расшифровала. И про спецназ, и про ГРУ, и про Афганистан.

Получив такую неожиданную, исчерпывающую и интересную, а главное, своевременную информацию, Ромина мама, недолго думая и никому ни о чем не говоря, тихой сапой нанесла визит в военкомат:

– Как так? – говорит. – Какой ещё 54К?! Он же внучатый племянник! У него же целый дедушка адмирал! Бывший командующий Тихоокеанским Флотом! В честь него корабль назван! Фокин Виталий Алексеевич – он ведь двоюродный брат моего отца! У меня же девичья фамилия – Фокина!

Ну, в военкомате, сначала в ступор впали, а потом суета поднялась. Не на шутку. Н-да, ничего себе промашка вышла!.. Адмирал!.. Командующий!.. И даже корабль назван!..

Это же политический момент! Внучатый племянник служит на корабле имени своего легендарного деда! А мы что? Чуть не оскандалились! Едва флотскую династию не прервали!

– Очень хорошо, что вы гражданочка к нам так своевременно зашли. Где красная ручка?!!

Так в Роминой учетно-послужной карточке появилась, выведенная красной ручкой, жирная и окончательная резолюция: «Только 51288».

И призывник Роман Фролов, внучатый двоюродный племянник своего знаменитого троюродного деда, отбыл служить в воинскую часть 51288, что в расшифровке означало корабль Тихоокеанского флота – ракетный крейсер «Адмирал Фокин».

ШТК

Флот это школа жизни, но лучше её пройти заочно.

(Флотская поговорка)

С моим другом Димкой Голиковым, щеголявшим завидными для восемнадцатилетнего пацана усами и знающим, казалось, ответы на все вопросы, я познакомился за год до призыва. Нас обоих через Военкомат распределили в школу корабельных электриков. В течение года мы с ним три раза в неделю, после работы, дисциплинированно ездили на трамвае в пригород на обучение. В школе мы разбирали на части корабельное электрооборудование, проходили испытание в барокамере, одетые в водонепроницаемые костюмы и закупоренные в отсеке: учились затыкать пробойны в корпусе корабля, погружались с аквалангом и даже изучали болезни

водолазов.

Особенно на меня произвела впечатление болезнь под названием «полная компрессия». Как мене объяснили, это когда, в случае разгерметизации мягкого резинового костюма, весь водолаз компактно закомпрессируется давлением воды в круглый медный шлем. Я вот только позабыл, как от этой болезни надо лечить...

Нас призвали служить 13 Мая, как раз в Димкин день рождения. Так что, его девятнадцатилетние мы в шумной компании однопризывников справляли на высоте одиннадцати тысяч метров, летя самолетом из Ленинграда во Владивосток. Ребята со всего салона внесли свою посильную лепту в оформление праздничного стола разнообразными спиртными напитками и домашними разносолами, и долгие часы полёта пролетели незаметно.

По прибытии во Владивосток нас из аэропорта привезли на ПТК – приемно-техническую комиссию или накопитель новобранцев регионального масштаба. Всё здесь: и забор с колючей проволокой по периметру, и деревянные бараки на 200 человек – было ново и интересно. Где-то, в каком-то фильме про людей в полосатых робах я уже видел похожую картинку... Понимая наше состояние, сопровождавшие тут же пояснили, что это на самом деле территория воинской части морской пехоты, а не то, что мы подумали...

Нас распределили в барак № 2. Я в первый раз в жизни был в настоящем бараке! Раздвинув огромные двуствор-

чатые ворота, мы с Димкой с любопытством проследовали внутрь. В нос ударил бодрящий запах грязных носков и пота. С непривычки, поморщившись, мы осмотрелись. Три уровня длинных сплошных деревянных нар тянулись по обеим сторонам барака, оставляя проход посередине. На нарах, вплотную друг к другу, как на стеллажах, копошились разномастные представители всех советских республик: русские, хохлы, узбеки, таджики, чеченцы, армяне и те, о существовании национальности которых я даже и не догадывался...

– Урюки, – пояснил кто-то сбоку.

Я не был особо силён в этнографии и с благодарностью впитал в себя эти новые интересные сведения.

Наше появление в бараке особого интереса не вызвало. Некоторые из лежавших на нарах разглядывали нас скучающими взглядами, кто-то играл в карты, кто-то храпел, а один из урюков, прямо у нас над головой, деловито и сосредоточенно занимался самоудовлетворением. Чтобы ему не мешать, мы с Димкой вышли во двор подышать свежим воздухом.

– А ты знаешь... – сказал вдруг Димка. – Мой отец тоже здесь неподалёку служил – на Чукотке. И даже на Кубе был.

– На Кубе?

– Ну да. Как раз во время, когда между нами и Штатами чуть ядерная война не началась.

– «Карибский кризис» что ли?

– Ну, да.

– Ну и как, ему Куба понравилась?

– Да он её и не видел совсем. Его и ещё пару тысяч таких же, как он, в гражданские костюмы переодели и в трюм гражданского сухогруза погрузили. Так их, до самой Кубы, в трюме и везли, чтобы америкосы ничего не заподозрили. Выпускали на палубу свежим воздухом подышать только ночью группами по двадцать человек, когда американских разведывательных самолётов не было, а то те прямо над палубой летали.

– Так что, их на берег так и не высадили?

– Какой там... Они два месяца около Кубы в трюме просидели, а потом, когда Хрущев с Кеннеди о чем-то договорились, их так же, не вынимая из трюма, обратно привезли...

Мимо барака, понуро опустив голову, шёл морской пехотинец. Это был первый увиденный мной вблизи настоящий морской пехотинец. Я с завистью смотрел на его черную форму. Он поравнялся с нами, и я, желая завязать разговор и расспросить про службу, обратился к нему с логичным, как мне казалось, вопросом:

– Слышь, а ты не знаешь, нам постельное белье дадут?

Морпех вздрогнул от неожиданности, оглянулся по сторонам и сплюнув в дорожную пыль посоветовал:

– Вешайтесь, духи!

Этот полезный совет я слышал потом много раз, особенно в первые недели службы. Позже, когда у нас на корабле, в носовом гальюне, не выдержав насмешек, повесился один

из двух братьев-близнецов, только что призванных к нам на корабль из подшефной Хакасии, я вспомнил этого морпеха в его потрепанной черной робе.

Кроме нас на ПТК завезли ещё около тысячи человек. Но-воприбывшие быстро разделились по группам: по явно выраженному этническому признаку или по городу призыва. У нас с Димкой в этой разноликой и разномастной обстановке тоже сработал инстинкт самосохранения: мы примкнули к «питерским».

– Э-э-ээээ! – раздался во дворе то ли надрывный хрип, то ли протяжный вопль.

Бледный парень, в сером измятом костюме, с перекошенным судорогой лицом, бился на пыльной земле посреди двора в эпилептическом припадке. Белая пена пузырилась у него изо рта. Все столпились вокруг, но никто не знал, что надо делать.

– Пацаны! Чурки наших бьют!.. – чей-то призывный вопль заставил всех обернуться.

Ошалелая славянская братия, которая, к счастью, в этот заезд на ПТК представляла большинство, моментально среагировала. Позабыв про эпилептика и не разбирая, что к чему, кто наши, кого и за что бьют, все побежали на крик, тыча по пути кулаками в морды попавшихся под руку незадачливых представителей братских народов и народностей. Впрочем, хотя урюков на ПТК было гораздо меньше, они держались сплоченней, чем мы, и в локальных потасовках давали

славянам достойный отпор.

Под вечер, усталые и полные новых впечатлений, мы вернулись в барак. Так прошел мой первый день на службе. Оставалось еще 1097.

На третий день разнёсся слух, что нас наконец переоденут в военную форму и мы станем похожи на настоящих вояк. В ожидании скорого расставания с гражданской одеждой многие стали оригинальничать, вырезая на одежде разные фигуры и узоры. На некоторых уже висели такие фигурные лохмотья, что было непонятно, как они ещё держатся на плечах или на поясе...

– Ты чё, салага, делаешь?! – раздался вдруг чей-то гневный вопль.

Невдалеке от нас, «ПТКашный» мичман, подскочил к пареньку с красными буквами «USA» на голубых джинсах. Мичман застал его как раз в тот момент, когда тот закончил распускать на ленточки свои политически неправильные импортные штаны. Паренёк, хлопал глазами, держа в застывшей руке лезвие безопасной бритвы.

– Ты чё свои глаза на меня смотришь? Когда духа ругают, он должен встать смирно и покраснеть!

– Я думал можно...

– Можно?!.. Тебе, дух, можно только удавиться, а форму гражданской одежды портить тебе никто добро не давал!

– Мне никто не сказал...

– Не сказал – ему!

Вокруг паренька и мичмана, собралась пестрая толпа призывников.

– До прэсяги шо хотим, тэ и дилаим ... Наша одежда... – протиснулся сквозь толпу и вступился за паренька коренастый хохол.

Мичман сжал кулаки, но оглядевшись вокруг и оценив численный перевес и атлетическое сложение коренастого, сплюнул сквозь зубы, повернулся и поспешил ретироваться, поглядывая, однако, на ходу, не портит ли кто ещё свою одежду.

Чем ближе наступала долгожданная минута переодевания, тем четче мы ощущали на себе алчные взгляды служивших на ПТК вояк. Особенно те из нас, кто прибыл в импортных шмотках. Загоняли ли местные служивые нашу одежку? Кому и почему? Честно скажу – не знаю. Но их ревностное отношение к порче исключительно импортных вещей иначе было сложно объяснить. Мы складывали нашу гражданскую одежду в чемоданы, надписывали адреса для отправки домой. Но куда уходили все эти посылки и уходили ли они вообще, я тоже не знаю. Знаю только, что мой чемодан, с поношенными отечественными брюками и свитером до моего дома в Питере так и не добрался...

Часть 2

На корабле

Тихоокеанский флот

Здравствуйте Ваня и Митяха !!!

Как гражданская жизнь?

Ванюха большое спасибо за те письма, которые ты мне написал, я их все получил и сразу же прочитываю, мне очень интересно узнать из твоих писем как там дела у нас на даче, что вытворяет этот ипохондрический оборванец Толик. Пичи.

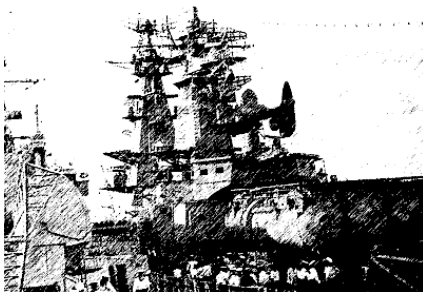
пожалуйста поподробнее.

Редька как вы живете друг с другом? Ссоритесь или нет? Конечно без ссор небольших обойтись трудно, но вы постарайтесь. У меня все в полном порядке. Втора 29 июня, я принял Приезгу, в этого дня у меня начинается настоящая полноценная служба. Приезгу мы принимали в автомашины. Сначала я радовался что наш выданы автомашины, гордо шагал к ним по городу. Но после четырех часов ходьбы, он так оттопнул мне илего, что у меня появилось сильное желание выкинуть его куда-нибудь, но нельзя, - я за него отвечаю и если потеряю хоть бы магазин (бобасму), тогда - требую. У нас тут был однажды случай один парень случайно уронил в туалет магазин с патронами, а сам этого не заметил. Так подняли дно эстабл, все перевернули вверх дном, а кто-то воздушный прошепело тупет и представляете - машина. Тому, кто нащел даны отлук. Вот такие вывешивают случаи.

Корабль

*Кто видел море, корабли
Не на конфетных фантиках,
Кого гоняли так, как нас,
Тому не до романтики.
(Флотская песенка)*

На третий день нашего пребывания на ПТК нас, наконец, переодели в матросскую форму. А на шестой день судьба в лице равнодушного капитан-лейтенанта распорядилась так, что моего друга Димку Голикова отправили на полгода в учебку на остров Русский, а меня и еще шестерых питерских ребят прямо на корабль.

Я наскоро попрощался с другом и в сопровождении виновато улыбающегося капитана третьего ранга Трахова, который был делегирован с корабля за молодым пополнением, зашагал вместе со своими новыми приятелями, навстречу

судьбе. Нам, всем, не терпелось узнать: куда нас всё-таки определила эта судьба. Понятно, что с морской пехотой я пролетел. Понятно, что из Питера – колыбели Балтийского флота нас пригнали через восемь часовых поясов служить во Владивосток, на Тихоокеанский флот. Но куда же, куда конкретно нас все-таки забирают? По дороге мы засыпали нашего сопровождающего кучей вопросов.

– Товарищ капитан третьего ранга, а нас куда? На корабль?

– На корабль, – смущенно улыбаясь, как если бы ему было за что перед нами извиняться, ответил наш сопровождающий.

– А на какой корабль? Какого ранга?

– Первого. Ракетный крейсер «Адмирал Фокин», – выдал из себя ответ Трахов и добавил, как бы извиняясь. – Только он, в некотором смысле, на ремонте...

Мы не обратили на это уточнение никакого внимания.

– Первого ранга! Ух-ты! – мы радостно переглянулись между собой.

К тому времени мы уже успели узнать, что на флоте все надводные корабли делились на четыре ранга – от катеров до крейсеров. К первому рангу относились самые большие корабли! Во, повезло! До этого момента я ни разу в жизни не видел ни одного настоящего боевого корабля, кроме Авроры разумеется. Чего уж там говорить о современном ракетном крейсере, и к тому же первого ранга! Я рисовал в уме ра-

дужные картины, крейсер представлялся мне чем-то таким большим и никелированно блестящим. На палубе суровый боцман с золотой дудкой и матросы, все как один, исключительно в белых штанах – красота. Я даже подумал: черт с ним, с лишним годом, зато какая романтика!

По пути, я крутил по сторонам головой, рассматривая незнакомый мне город Владивосток. По сравнению с Питером он казался довольно небольшим. Каменные и деревянные дома были раскиданы по многочисленным сопкам, окружавшим просторную бухту. Я не сразу заметил, как мы зашли на территорию судоремонтного «Дальзавода», где, как нам объяснил наш сопровождающий, и должен был стоять наш красавец-крейсер. Мы шли вдоль причала, мимо пришвартованных разномастных судов и суденышек. Тут были ледоколы, сухогрузы, рыболовные сейнеры, катера... Ни одно из них даже близко не напоминало тот никелированно-сверкающий образ, который я сотворил в моем воображении. От нетерпения я то и дело вытягивал шею, всматриваясь вдаль. Я старался не пропустить момент, когда передо мной предстанет наконец мой ракетный крейсер!

– Ну, вот и пришли, – виновато улыбнулся сопровождающий нас офицер.

Я нетерпеливо завертел головой. Из-за стоявшей у причала громадины, в виде гибрида строительных лесов и ржавого метала, мне было плохо видно, что там еще есть вокруг.

– Как это пришли?.. А где же крейсер?

Тут мой взгляд упал на сходни, соединявшие эту опутанную паутиной разномастных шлангов и кабелей плавучую кучу металлолома с причалом. По обеим сторонам трапа, ведущего на этот гибрид, можно было различить полинялую надпись – «Адмирал Фокин». Я почувствовал, как к горлу подступает комок и неприятно закололо под ложечкой. Но надежда умирает последней. Я упорно не хотел верить, что этот странный объект имеет хоть какое-то отношение к моему крейсеру.

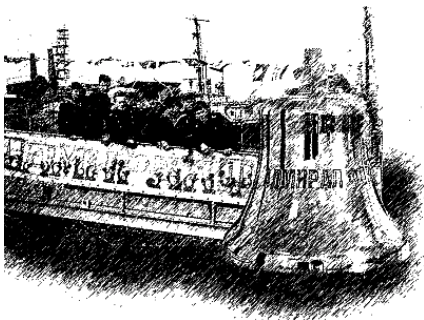
– Проходите, ребята, – сказал Трахов.

Эти слова добили мою еле теплившуюся надежду, как контрольный выстрел в голову. Я, как в тумане, с трудом передвигая ногами, поплёлся вслед за своими товарищами вверх по трапу и впервые в жизни поднялся на борт ракетного крейсера «Адмирал Фокин». На этой железной посудине, длиной сто сорок два и шириной чуть больше четырнадцати метров, практически без схода на берег, мне предстояло провести следующие три года жизни. По ту сторону трапа оставались счастливое детство, юность, беззаботная гражданская жизнь, а по эту – меня ждала ржавая реальность и томительно тревожная неизвестность.

ФОКИНЦЫ

*Флот вам не тюрьма, здесь три года оттрубил
– и свободен.*

(Реплика офицера)

Справка: Некоторые технические сведения о корабле очерпнуты из статьи капитана 1 ранга В. П. Кузина. Альманах «Тайфун» № 1, 1996 г.

Для тех, кто не служил и не знаком с неуставным табелем о флотских рангах, термины из которого часто встречаются на страницах этой книги, поясню: неуставная иерархия на корабле формируется по сроку службы.

На флоте, когда служат три года, существуют следующие семь ступенек:

1. Дух – от присяги до шести месяцев службы (до присяги

вообще – Запах);

2. Карась – от шести месяцев до года (нужно отметить, что на флоте слово карась ещё означает носок, то есть тот предмет, который словарь обыкновенного русского языка определяет как «короткий чулок, не доходящий до колен»);

3. Борзый карась – от года до полутора;

4. Полторашник – от полутора до двух лет;

5. Подгодок – от двух лет до двух с половиной;

6. Годок – от двух с половиной лет до приказа о демобилизации;

7. Гражданский – после приказа о демобилизации до увольнения в запас. Этот срок по Уставу не может превышать трёх месяцев, и увольняемые считаются «дембелями».

В задачу годков и подгодков входит: заставлять полторашников правильно «строить» (воспитывать) молодых, кто по иерархии находится ниже, под ними. Полторашники, которым годки уже предоставляют многие послабления в манере поведения и в форме одежды, обязаны заставлять карасей и духов «шуршать» (то есть, выполнять все «грязные» работы по кораблю). В противном случае им придется делать всю эту работу самим. А у духов и карасей всё просто. У них всего две основные обязанности: «шуршать» и быть бесправными объектами для физической и психологической разгрузки старослужащих.

Разгрузка, в лучшем случае, проявляется в простых приколах, а в худшем – в систематических избиениях и издева-

тельствах. А масштабы издевательств ограничиваются лишь извращенной фантазией скучающих без дела годков. Про такую разгрузку на флоте говорят: «зверкуют годки». Конечно, все люди разные и не все годки практикуют «крутую» годковщину. Многие стараются как можно меньше бить и унижать молодых матросов, но, повинаясь заведенным правилам, гоняют и заставляют карасей «шуршать», внося тем самым в годковщину и свою посильную лепту. Другие же с удовольствием и особой изощренностью издеваются над подвластными им людьми.

Подобная годковщина происходит в основном именно от скуки и безделья. Когда корабль выходит в море на боевую службу и экипаж занимается делом, то число «зверкующих» годков-упырей резко уменьшается...

* * *

«Убийцу авианосцев», ракетный крейсер «Адмирал Фокин», на котором мне выпало служить, спустили на воду с верфей Ленинградского судостроительного завода имени Жданова 26 марта 1961 года. Если посчитать, то практически день в день за семь лет до моего рождения в этом же славном городе на Неве. Проект, по которому велась разработка нашего корабля, получил в СССР кодовый номер 58, а в стане наиболее предполагаемого противника – НАТО ему присвоили классификацию – KYNDA. Одновременно с кораб-

лём разрабатывалось и его новое ракетное оружие. Это был первый отечественный надводный корабль с ракетным ядерным оружием на борту. На крейсере установили два ракетных комплекса новейшей разработки. Шестнадцать огромных (массой более четырёх тонн) крылатых ракет могли наносить со сверхзвуковой скоростью сокрушительный ядерный удар как по морским, так и по береговым целям противника. Это был по-настоящему новый, невиданный уровень ударной мощи для советских надводных кораблей того времени.

Всего с 1961 по 1963 годы на воду спустили четыре корабля-близнеца Проекта-58: «Грозный», «Адмирал Фокин», «Адмирал Головкин» и «Варяг». Вообще-то, первый реально построенный ракетный крейсер Советского Союза первоначально задумывался не как крейсер первого ранга, а как эскадренный миноносец (эсминец) с довольно скромной боевой задачей: «борьба с эсминцами и лёгкими крейсерами противника». Однако впоследствии, после оценки реальной огневой мощи корабля, поставленная боевая задача стала куда более внушительная: «уничтожение авианосных группировок противника». А это уже задача не эсминца, а крейсера. Встал вопрос о переклассификации корабля. Вопрос окончательно решили летом 1962 – после того, как Никита Хрущёв лично посетил первенца Проекта 58 «Грозный» и остался в восторге от красавца корабля и от результатов показательных стрельб. С тех пор все корабли Проекта 58 уверенно

причислили к классу крейсеров, подклассу «ракетный крейсер» – корабль 1 ранга.

Крейсера-близнецы Проекта 58 с начала 60-х годов несли боевую службу в составе всех четырех флотов нашей страны. По-разному сложились их судьбы, и экипажи каждого корабля гордились тем, что служат именно на своём ракетном крейсере. Я, конечно, не могу быть полностью объективным, но мне иногда казалось, что у моряков ракетного крейсера «Адмирал Фокин» эта гордость выражалось как-то по-особому.

* * *

Когда я впервые ступил на палубу ракетного крейсера «Адмирал Фокин», он уже долгие шесть лет стоял на ремонте в «Дальзаводе». Ржавеющий, опутанный сетью кабелей и строительных лесов, корабль представлял из себя жалкую тень прежнего красавца-крейсера. В прошлом остались дальние походы и боевые службы у берегов Йемена, Кении и острова Маврикий. В настоящем – визг грохоток, сдирающих краску до металла, километры кабель-трасс, вытасненных с корабля на стенку (причал), и нескончаемые кучи строительного мусора. Единственное, что напоминало о славном боевом прошлом корабля – развивающийся на юте (корме) военно-морской флаг, начищенная до блеска рында (колокол), висевшая около покосившейся времянки руб-

ки дежурного, и постоянно подкрашиваемая, гордая бортовая надпись: «Адмирал Фокин».

Интересная штука – человеческая натура. Даже, находясь на ржавом, вросшем в причал, полуразобранном корабле, на котором уже восемь поколений «Фокинцев» не выходило в море, всё равно ощущалась гордость за свою принадлежность к этому славному крейсеру. Эта гордость передавалась из поколения в поколение.

Когда на корабль приходили новые «духи» или «караси», годки обязательно строили их и пересказывали краткий курс боевой истории корабля: «А ты знаешь, дух, на какой ты корабль попал? Какая честь тебе оказана?... Это, душара, ракетный крейсер! Первого ранга! «Адмирал Фокин!» Куча дальних походов, боевых служб...» И дух растерянно обводил глазами строительные леса, ржавый «экстерьер» крейсера и понимающе кивал.

Если годки замечали в глазах карася некоторую неуверенность, то они непременно продолжали: «Этот крейсер, сынок, скорость тридцать четыре с половиной узла развивает!..» Новоиспечённый матрос вряд ли понимал много это «тридцать четыре с половиной узла» или мало, но по выражению лиц годков, чувствовал, что «достаточно» и он восхищенно кивал головой и цокал языком: «Мама дорогая, это же почти целых тридцать пять!..»

– То-то и оно! – ухмылялись годки, довольные произведённым эффектом.

Если же «молодой» продолжал проявлять хотя бы тень сомнения, то его непременно выводили на верхнюю палубу, на бак (нос корабля) и, как бы по секрету, сообщали: «Здесь у нас находится ЗИФ-101, зенитно-ракетный комплекс... Он сейчас демонтирован, но когда он здесь был, то... – такая мощь! ...Ни один самолёт даже близко не подлетит!..» А когда карась уставал восхищенно кивать, годки хитро ухмылялись и, подмигивая друг другу, говорили: «А теперь, посмотри-ка налево, сынок.»

Чуть выше того места, где когда-то находился грозный ЗИФ-101, над строительными лесами, величественно возвышались четыре пустые трубы основной ракетной установки – главного оружия корабля. И когда карась стоял, обалдело задрал голову, и хлопал недоумевающими глазами, наступала кульминация: «А вот это, сынок, шестнадцать крылатых ракет с ядерными боеголовками. Одна такая штуковина – десять Хиросим!.. Как долбанёт – целый город в труху!

Эта аллегория напрочь взрывала молодое воображение! Последние сомнения испарялись, как дым. Карась стоял потрясённый, обводя восторженным, совершенно новым взглядом свой родной, заставленный строительными лесами корабль, и ещё в одной молодой душе зарождалась неудержимая гордость за то, что ему так повезло и он попал служить именно на этот мощный, настоящий ракетный крейсер первого ранга «Адмирал Фокин»!.. Под снисходительными взглядами улыбающихся годков рождался новый патриот–

фокинец. Время пролетало быстро, и через несколько лет этот бывший дух, а теперь уже закоренелый годок, обходя те же самые строительные леса, выводил на бак новых представителей молодого пополнения и, хитро улыбаясь, говорил: «А теперь посмотри-ка налево, сынок...»

Так уж устроена человеческая природа. Человеку всегда хочется выделиться из толпы, хочется быть лучше окружающих, быть причастным к чему-то славному, героическому, хочется чем-то гордиться. И мы гордились. Гордились, что служим именно на славном ракетном крейсере первого ранга «Адмирал Фокин». Гордились, что мы – фокинцы! И мы писали домой, родным, письма, полные восторженных эпитетов по отношению к своему кораблю. И от этой гордости жить становилось немного легче. И немного легче переносились «все тяготы и лишения воинской службы». Мы скребли от ржавчины борта любимого корабля и с чувством абсолютного превосходства смотрели на проходивших мимо горемореманов с других «левых» кораблей...

Все поколения фокинцев, пока продолжался нескончаемый ремонт корабля в «Дальзаводе», мечтали выйти на нём в море. Все надеялись, что вот-вот придёт долгожданный приказ командующего флотом, форсированными темпами закончится затянувшийся ремонт, и они пойдут, наконец, на своём крейсере в дальний поход, рассекая волны экзотических океанов. Для восьми поколений моряков-фокинцев этой мечте так и не довелось сбыться. Им приходилось до-

вольствоваться периодическими командировками на другие «ходовые» корабли, но и там, на чужих кораблях, они всегда оставались фокинцами, верными патриотами своего крейсера.

* * *

Эта история произошла за год до моего прибытия на корабль, рассказал мне её Роман Фролов.

Командиром крейсера в то время был капитан первого ранга Самофал. Уважаемый командир, отец матросам. Матросы его так и называли – Папа. В 1985 году, после шести лет ремонта, появилась реальная надежда, что осуществится заветная мечта «ремонтно-заводских» поколений фокинцев и весенний призыв 1984 года, выйдет, наконец-то, в море на своём ракетном крейсере. Папа в это верил. А раз верил Папа, верили и матросы.

Однажды утром, во время торжественного подъёма флага, командир Самофал построил на юте экипаж. Как всегда отглаженный, весь с иголочки, он медленно обошел строй, придирчиво оглядывая внешний вид вытянувшихся по струнке матросов. Папа одобрительно кивал головой. Матросы старались соответствовать высоким требованиям. Оставшись довольным, Папа откашлялся в кулак и зычным голосом, торжественно объявил:

– Чтобы к выходу в море готовы были и чутье не поте-

ряли, отправляю вас в месячную командировку на «Варяг»! Договорённость с командиром «Варяга» имеется. И смотрите, чтобы всё у меня там было «тип-топ»! Не посрамите родной корабль!

Общему ликованию не было предела: «Вот оно: «К выходу в море»! Дождались!» Вот так, с легкой руки Командира Самофала, двадцать матросов-фокинцев прибыли на гвардейский крейсер «Варяг». Правда, уже через неделю Папа забрал фокинцев обратно: дело в том, что у них с командиром «Варяга» вышел, так сказать, маленький инцидент...

«Варяг» и «Адмирал Фокин» были крейсера близнецы. «Варяг» был назван, как нетрудно догадаться, в честь своего легендарного тезки времён Русско-японской войны 1904–1905 годов, погибшего, но не сдавшегося врагу. Новому «Варягу» по наследству от старого, кроме имени, досталось ещё и гвардейское звание.

Гвардейский экипаж принял «безкорабельных», «ремонтных» фокинцев с чувством полного собственного превосходства. Это выражалось во всём: во взглядах, в поведении, в отношении. И фокинцы ответили им взаимностью. С первых же минут вступления на борт чужого корабля всё вокруг вдруг стало жутко раздражать фокинцев. Раздражало то, что бескозырки у местных моряков были с полосатыми, черно-оранжевыми гвардейскими ленточками. Эти ленточки, они тут же окрестили «ржавыми» и «матрасными». Раздражало то, что на «Варяге», как считали фокинцы, их кор-

мили помоями. Раздражало, что сливочное масло выдавали кружочками, как у «сапогов», то есть у солдат в Армии, а не кусками, как, по их мнению, полагалось выдавать на флоте. Короче говоря, на чужом корабле фокинцев раздражало абсолютно всё.

Назревал конфликт. И конфликт вырвался наружу утром следующего дня, когда весь гвардейский экипаж и двадцать приبلудших фокинцев выстроились на юте для церемонии подъема флага. Командир гвардейцев медленно вышел на середину площадки и остановился перед строем, обводя хозяйским взглядом экипаж. На секунду он задержал свой снисходительный взор на обособленной кучке матросов с черными, «не гвардейскими» ленточками на бескозырках.

– Ну-ну, прибыли, значит, – пробормотал он себе под нос. – Посмотрим, посмотрим...

Двадцать пар глаз буравили его в ответ, придирчиво подмечая каждый изъян в форме одежды нового начальства; в строю фокинцев, то и дело перешептывались:

– Гляди-ка, китель как жевал кто-то...

– Ботинки нечищенные.

– Голоса нет.

– Чехол от фуражки год как не стирался...

– Не фуражка – корыто.

– Бакланам её бросить... Чтобы полную насрали...

– Да здесь весь гвардейский экипаж так выглядит!..

«Подъём флага» называется!

Такое расхлябанное отношение к святому ритуалу подъёма флага оскорбило фокинцев до глубины души. Они-то привыкли видеть своих командиров всегда «с иголки», с зычными голосами, а здесь полная ж... Гвардейцы хреновы!..

В первые же минуты построения авторитет командира «Варяга» в глазах фокинцев упал так низко, что достиг дна и начал рыть грунт.

Тем временем командир гвардейцев вразвалочку подошел к флагштоку и, повернувшись лицом к экипажу, натужено произнёс:

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

– Здравия желаем... товарищ гвардии капитан первого ранга! – вяло, в разнобой загудело со всех сторон.

Только со стороны фокинцев полное молчание – они же не гвардейцы.

Командир-гвардеец побагровел:

– Вымуштруй их! Чтобы как шелковые у меня были! – дал он команду своему помощнику.

После подъёма флага гвардейский экипаж, бросая враждебные взгляды на ершистых чужаков, разошелся. Помощник командира остался на юте один на один с фокинцами тренировать приветствие:

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – прокричал он, убивая строптивых чужаков взглядом.

Фокинцы, замерев по стойке смирно, молча изучали ли-

нию горизонта.

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы!!! – с пеной у рта орал в очередной раз помощник командира.

В ответ – полное молчание.

– Товарищ гвардии капитан третьего ранга, мы, вообще-то, не гвардейцы... – послышалась робкая подсказка из глубины строя.

– Не вас меня учить. Запомните! Пункт первый: командир всегда прав. Пункт второй: если командир не прав, то смотри пункт первый... Здравствуйте, товарищи гвардейцы!

Замкнуло его на «гвардейцах», и всё тут. Не свернуть мужика. Так он и здоровался с фокинцами до обеда, а те упорно молчали. Гордости тогда у ребят было выше макушки, что они – фокинцы! Так продолжалось целую неделю, пока не приехал Папа.

Командир-гвардеец тут же доложил ему по существу дела и со всеми подробностями, слюнями и выражениями. Фокинцев выстроили на юте, командир «Варяга» и Папа стоят рядом, плечом к плечу, смотрят.

– Вот, полюбуйся на этих упертых, – командир «Варяга» раздраженно ткнул пальцем в сторону фокинцев.

Папа вышел перед строем. Он хмуро обвел взглядом своих матросов и зычным голосом рявкнул:

– Здравствуйте, товарищи фокинцы!

– Здрав!...жел!... тов!!!!... капитан!!!!... первого!!!!... ранга!!!!!! – грянули в ответ двадцать матросских глоток, да так,

что чайки с гвардейских мачт попадали.

Влетело, конечно, всем ребятам от Папы по первое число за эту выходку, но в глазах у него светились искорки нескрываемой гордости за своих фокинцев...

* * *

На демарш фокинцев на гвардейском крейсере, несомненно, повлиял один эпизод, случившийся незадолго до скандальной истории с приветствием. За несколько месяцев до злополучной командировки гвардейский крейсер «Варяг» встал ненадолго в «Дальзавод», борт о борт со своим ржавевшим собратом – ракетным крейсером «Адмирал Фокин».

По случаю дня рождения корабля на «Варяге» объявили торжественный подъём флага. На фоне свежескрашенного, как новенького, «Варяга» застоявшийся в строительных лесах «Адмирал Фокин» выглядел бедным родственником. К тому же «Варягу» оказали особую честь: на борт в честь дня корабля ожидался сам командующий флотом!

Когда адмирал поднимался по трапу на «Варяг», командир Самофал приказал всем матросам, выстроенным борту «Фокина», развернуться лицом к гвардейскому крейсеру.

Фокинцы замерли по стойке смирно, как положено по флотскому этикету, отдавая дань уважения прибывшему командующему и гвардейскому крейсеру, у которого сегодня был праздник.

– Здравствуйте, товарищи гвардейцы! – приветствовал командующий замерших в строю гвардейцев.

– Здрав!.. жел!.. тов... адмирал! – отрывисто прокричали на «Варяге».

Стоя по стойке смирно, рука у козырька, Папа подождал, пока смолкнет гвардейское приветствие, и в свою очередь поздоровался со своим экипажем.

– Здравствуйте, товарищи фокинцы!

– Здрав! Жел!! Тов!!! Капитан!!!! Первого!!!! Ранга!!!!!! – грянула в ответ сотня глоток, да так, что волна пошла по заливу.

Командующий вздрогнул и недоуменно обернулся: у кого праздник-то, у гвардейцев или на «Фокине»?

Папа Самофал довольно улыбнулся.

На «Варяге» был праздник. А в праздник на юте всегда поднимался особый большой шелковый флаг, и вдобавок от бака до юта через мачту натягивали цветные сигнальные флаги и флаги расцветивания. А в честь командующего флотом на мачте надлежало поднять ещё и соответствующий должностной флаг – красное полотнище с военно-морским флагом в углу и с тремя белыми звездами.

Командующий произнёс приветственную речь. Гвардейцы прокричали «ура». Прозвучала команда: «Флаг, гюйс, сигнальные флаги и флаги расцветивания – поднять! Равнение на флаг.»

Командующий вскинул руку к козырьку. На «Фокине» то-

же поднимали свой флаг, но все взоры были устремлены на праздничный «Варяг». Папа замер, отдавая честь флагу. На гвардейском крейсере поползли вверх сигнальные флаги и флаги расцвечивания. Поплыл вверх по флагштоку огромный праздничный шелковый флаг...

Вдруг на «Фокине» охнули: на «Варяге» праздничный военно-морской флаг поднимали ...вверх ногами!!! Синей полосой вверх, серпом и молотом вниз! Командующий оторопело стоял с рукой у козырька, отдавая честь перевернутому флагу, и не верил своим глазам... Тут налетевший порыв ветра сорвал сигнальные флаги и флаги расцвечивания, и всё гвардейское праздничное убранство, безвольно кружась в воздухе, полетело и запуталось вокруг мачты.

– Блин... гвардейцы..., – процедил сквозь зубы Папа.

Командующий сделал отмашку, козырнув перевернутому флагу, развернулся и, махнув рукой, ушел с гвардейского крейсера. За ним потянулась и вся штабная свита.

Чтобы командующий флотом так уходил с корабля, такого позора мне не припомнить за всю свою службу. На «Варяге» разгневанный командир объявил тогда «оргпериод» на месяц...

Так фокинцы в первый раз утерли нос гвардейцам.

* * *

А устроивший демарш на «Варяге» фокинский призыв

весны 1984 в море на своём корабле, так и не вышел. Не суждено было сбыться их мечте. Так и ушло весной 1987 года это последнее заводское поколение фокинцев на дембель из Дальзавода. Я помню, как мы, первогодки, тогда торжественно провожали ребят домой. А уже через несколько месяцев мы на отремонтированном сверкающем, заново рожденном, красавце ракетном крейсере «Адмирал Фокин» вышли из бухты Золотого Рога, чтобы занять место флагманского корабля Камчатской флотилии.

Папа

Ничто так не сбивает человека с мысли, как прямой удар в челюсть.

(Фольклор)

Справка: *Кнехт – спаренная чугунная тумба, для набрасывания швартовых концов (канатов)*

Сопливчик – черный матросский нашийный галстук – вроде манишки. Надевается под шинель или бушлат.

Сапоги – так на флоте пренебрежительно называли солдат (не моряков). Пошло от того, что матросы служили на корабле в ботинках, а солдаты в сапогах.

Однажды, во время вечернего построения экипажа, Командир корабля Самофал – Папа вывел перед строем Петруху. Петро Ничипоренко, по кличке «Петруха», щуплый, ско-

ромный морячок только что вернулся из отпуска с его родной Украины. Петруха стоял посередине вертолётной площадки, понуро опустив голову. Папа обвёл серьёзным взглядом экипаж и, указав на Петруху, громко объявил:

– Товарищи «Фокинцы», вот гарный хлопец Ничипоренко приехал из отпуска, который он получил за образцовую дисциплину, а в отпускном документе у него замечание от патруля.

Папа прищурившись посмотрел на Петруху:

– Ты ничего не хочешь сказать своему экипажу?

Петруха, убитый общим вниманием, сопел носом, но ничего не отвечал.

– Что молчишь, как воды в рот набрал? Объясни товарищам, за что получил замечание.

– Я в отпуске, был – тихо начал, Петруха, не поднимая головы – Шел, шел, ну а меня «сапоговский» патруль остановил. А я без «сопливчика»... в офицерском кашне был...

Экипаж заулыбался, но сделал это несколько неуверенно, глядя, как Папа сосредоточенно следит за повествованием.

– ...Ну вот, майор меня и останавливает, – продолжил Петруха. – И спрашивает, почему я форму одежды нарушаю и почему у меня нет той штуки, которую матросы обычно на шее под бушлатом носят. А как «сопливчик» называется, начальник патруля вспомнить не мог. Ну, он и спросил меня, как эта штука называется, которой у меня нет, но которая у меня по уставу быть должна. Ну, я и объяснил... – не

поднимая головы, тихо сказал Петруха.

Папа прервал его повествование:

– Зачитываю замечание от патруля: «Матрос, шел по улице... без кнехта на шее...»

Взрыв хохота потряс корабль. Некоторое время палуба содрогалась от приступов здорового смеха. Когда ребята немного поуспокоились, Папа обвел строгим взглядом ссутулившуюся фигуру Петрухи и отчетливо произнёс:

– Матрос Ничипоренко, за получение замечания от патруля, находясь в краткосрочном отпуске, объявляю вам 5 суток...

Папа сделал паузу. Экипаж замер, ожидая окончания приговора.

– ...отпуска. За находчивость!

В первый раз за время построения Папа улыбнулся. Петруха поднял голову, и под одобрительный гул экипажа счастливая улыбка осветила его детское конопатое лицо.

Объявить – пять суток отпуска была одна из Папиных фирменных фишечек. И хотя с «пятью сутками» домой, конечно, не съездишь, но, глядишь, ещё «пол-отпуска» заработаешь, и тогда уже можно и в путь собираться...

Распустив экипаж, Папа пошел к себе в каюту переодеваться в рабочую форму одежды. Он любил вечерком надеть рабочую матросскую робу, нацепить берет с шитым офицерским крабом и пройтись по кораблю, в особенности по потаённым шхерам: проверить, всё ли в порядке в его обширном

корабельном хозяйстве. Ну и доставалось потом офицерам, если недосмотрели, если допустили халтуру при приборке на закрепленном за ними участке. За залёт Папа карал строго. Тогда всем: и матросам, и офицерам доставалось по полной. Особенно все на корабле боялись его коронного наказания – «сто дней без берега». Если кому объявил, то всё – точка, обжалованью не подлежит. В течение ста дней бедолага даже шаг на берег сделать не сможет, даже чтоб мусор вынести.

И если карасям это ещё было туда сюда, они и так особо в город по увольнениям никуда не мотались, то для годков, многие из которых за время службы уже и зазнобами во Владивостоке обзавестись успели, – это было жестокое наказание. Матросы боялись этих «ста дней без берега», как огня. Папа, разумеется, это знал и без дела, направо, налево, этим наказанием не разбрасывался. Папа, вообще, без дела мало что делал, за это его и уважали. Добавлял, впрочем, авторитету и тот факт, что Командир был кандидат в мастера спорта по боксу.

В то время, как Папа начал свою проверку, на верхней палубе, под кормовой ракетной установкой, трое бритых наголо годков-осенников (дембелей осени 1985 года) решили покурить на свежем воздухе и потравить байки. На кораблях установлено строгое правило: когда корабль на ремонте, курить можно только на баке (носу), а когда корабль в море – только на юте (корме). А курить под ракетной установкой нельзя никогда и ни под каким предлогом. Но различных за-

претов на флоте было много, а годкам, по обыкновению, дела до них было мало.

Стоят годки, курят, поплеывая за борт, головами по сторонам крутят на случай прихвата. А то, глядишь, поймаётся какой-нибудь залётный карась-беодолага, тогда его можно будет и повоспитывать чуток для профилактики. Но всё вокруг тихо. Скучают годки.

И вдруг один из годков заметил: по другому борту движется невысокая фигурка в берете и матросской робе. Глаза бритоголового вспыхнули в потёмках. Карась, салага, без «добра» прошмыгнуть надумал!

– А ну, карасина, стой! – скомандовал годок.

Расправив могучие плечи, с ехидной улыбочкой, по блавному ловко перемещая хабарик из одного угла рта в другой, бритоголовый годок сделал несколько шагов навстречу вздрогнувшей от неожиданности тёмной фигурке:

– Тебе, салага, кто дал «добро» здесь шляться?!..

– А ну-ка, плыви сюда, тело! – Два других годка тоже поспешили присоединиться к воспитательной процедуре.

Папа от такого неожиданного «здрате» и от вида надвигающихся на него грозных фигур с огоньками сигарет в зубах на секунду даже растерялся. Он не очень-то привык к подобного рода обращению. Но его растерянность продолжалась не больше секунды. Сообразив, в чем дело, он решил немного подыграть будущим страдальцам. Втянув голову в плечи и наклонив её так, чтобы не было видно шитого офи-

царского краба на берегу, он жалобно промямлил:

– Да я, ребята, так... вас не заметил... добро пройти, ребята?

– Да ты, дух, чё, ваще оборзел?

– Раньше надо было «добро» спрашивать, салага!

– Фанеру к осмотру!

И прежде, чем Папа успел что-либо сообразить, плечистый годок сграбастал его за шиворот и со всей силы двинул ему кулаком в грудь. Раздался глухой звук удара. Папа крикнул от неожиданности и согнулся... Но тут же выпрямился и резко, по-боксерски, отмахнувшись, двинулся на годков:

– Твою мать! А ну иди сюда!

Годки шарахнулись назад. А тот, кто двинул Папе по ребрам, выпучил глаза и пошатнулся.

– Т-товарищ к-кманدير... – только и смог простонать он, но поперхнулся и осекся.

Папа открыл рот, чтобы обрушить на них весь ужас своего возмездия, но годки, не отдавая себе отчета в том, что делают, развернулись на месте и бросились бежать. Бежать с такой скоростью и с таким безрассудством, как могли бежать только люди, гонимые первобытным животным страхом.

– Стоять!!! – заорал Папа.

Но годки его уже не слышали – в ушах у них свистел ветер. Промчавшись мимо дежурного офицера на юте, они, обгоняя друг друга, куборем скатились по трапу на стенку. У бритоголовой троицы включился инстинкт самосохранения.

В головах пульсировала одна единственная мысль – бежать. Бежать от Папы и от неминуемой расплаты.

Папа рванул за ними, но, овладев собой, остановился перед трапом:

– На корабль! Быстро!.. Это приказ!!!

Годки белели в темноте перекошенными от ужаса лицами, но не двигались с места. Прошла минута, другая... прежде, чем из темноты послышалось неуверенное заикание:

– Т-товарищ капитан п-первого р-р-ранга... я-а... м-мы... не знали...

Два караса на юте с плохо скрываемым удовольствием наблюдали за их душевными страданиями. А из темноты жалобно послышалось:

– Товарищ командир... вы же убьёте...

Папа немного подумал:

– Не убью. Даже «сто дней без берега» не дам. Поднимайтесь, поговорим...

Тройка беглецов, вежливо уступая друг другу дорогу, медленно, на полусогнутых, поплелась обратно на борт.

О чем Папа на юте говорил по душам с проштрафившимися годками, никто точно не знает. Но известно то, что Папа сдержал слово и «сто дней без берега» не объявил и не убил. Он их даже на кичу не отправил... Известно также то, что после этого разговора вся троица ходила по кораблю как шёлковая до самого дембеля...

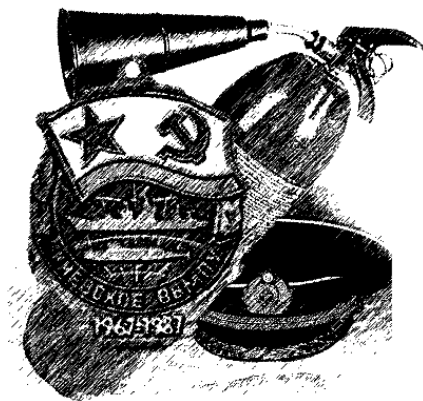

Когда Петруха уходил с корабля на дембель – при оформлении дембельских документов выяснилось, что в его военном билете нет отметки о присяге! Матрос служил три года без присяги! То есть служил, будучи гражданским! Петруха был «сорокапятисуточник» попал на корабль, минуя учебку. А там, где он полтора месяца проходил ускоренную подготовку, когда всех молодых повели на присягу, он был в наряде, и про него попросту забыли! Он мог в любой момент свалить со службы домой, и никто не мог привлечь его за это к ответственности. Он ведь не говорил слова присяги: – «Пусть меня постигнет суровая кара Советского закона...» Чтобы соблюсти формальности, Петруха, стоя у флагштока, зачитал по книжке текст присяги, расписался в журнале и на следующий день сошел с корабля на дембель.

В конце того же 1985 года Командир Самофал-Папа перевёлся с нашего корабля на другое место службы; куда, называли опять-таки разное... Последнее, что я слышал: контр-адмирал Самофал А. А. служил начальником Дальневосточного регионального центра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Потомки легендарных комиссаров

*Чем отличается командир от замполита?
Командир говорит: «Делай, как Я!», а Замполит
говорит: «Делай, как Я говорю!»
(Фольклор)*

На корабле по обкатанной советской системе существовали две власти: строевая и партийная, вторая надзирала за первой. Строевые офицеры в большинстве своем работяги, профессионалы своего дела: они обеспечивали навигацию, связь, стрельбы, работу разнообразных частей и механизмов, на них держался корабль. Главный среди них – командир корабля.

Политические офицеры, в отличие от строевых, – люди труда умственного, то есть по определению руками ничего не делали. Всей их материальной части, только язык, карта да указка. Этот маленький недостаток политработники, однако, с гаком компенсировали служебным рвением и беззаветной преданностью политике партии и родного советского правительства. Задача политруков была надзирать за уровнем политической благонадежности экипажа

Почти на каждого строевого офицера, чтобы не расслаблялись, приходилось по одному такому политработнику. На нашем корабле главным среди этих столпов коммунизма местного масштаба был заместитель командира корабля по политической части – Большой Зам. В команде Большого Зама числились комсорг, пропагандист и «маленькие замы». Маленькие замы служили наместниками Большого в боевых частях, комсорг председательствовал на комсомольских собраниях, а вот чем занимался пропагандист, я сказать не могу, не знаю, да и он сам, по-моему, толком не разобрался. За всю свою службу я только однажды был вызван в каюту пропагандиста. Капитан-лейтенант вежливо встретил меня, усадил и задал пару вопросов:

– Хобби какое-нибудь у тебя на гражданке было, – в конце поинтересовался он.

– Старинные монеты собирал.

«Замкнут, индивидуалист, любит деньги», – записал пропагандист результат психологического анализа в свою в тет-

радь...

Роль «маленьких замов» в жизни корабля была более заметна. Они прилежно собирали в своих сейфах компромат на всех «неблагонадежных элементов» во вверенных им боевых частях. Этим компроматом они с удовольствием делились и с Большим Замом, и с «особистом», который периодически навевался к нам на корабль, а также с успехом использовали для вербовки своих стукачей-информаторов. Также, «маленькие замы» часто выступали в роли массовиков-затейников. Организовывали соревнования по домино или по перетягиванию каната. А, однажды, пока наш корабль стоял в «Дальзаводе», случилось и такое, что один замполит БЧ-7 даже повел матросов в соседнюю среднюю школу учиться танцевать менуэт.

Настоящей страстью Большого Зама были еженедельные субботние политзанятия. И были они его страстью совсем не потому, что Большой Зам по субботам особенно свято верил в идеалы коммунизма. Шел конец восьмидесятых, и уже мало кто из самих замполитов верил в эту идейную ахинею. Дело в том, что один раз в неделю, с утра и до обеда каждой субботы, когда весь экипаж корабля, разодетый в парадную форму рассаживался по кубрикам для проведения политзанятий, корабль замирал, и на нём наступало «Время Большого Зама». В это время он становился единоличным и повластным хозяином корабля. Никто – ни матросы, ни офицеры, ни одна крыса – не могли без его разрешения сделать

хоть один несанкционированный шаг.

В стране шло время горбачёвской «перестройки», а мы после вахт и недосыпов, с трудом преодолевая сон, послушно сидели в тесных и душных кубриках и, прея в парадной форме, слушали, как наши корабельные замполиты под зорким присмотром Большого Зама несут свой обязательный, политически выверенный бред. Их на это учили, они за это получали зарплату, и они делать кроме этого ничего не умели.

Мы сидели и, кивая проваливающимися в мимолетный сон, головами рисовали в наших конспектах «диаграммы сна». Я до сих пор помню, как с удивлением обнаружил, что каждая из выведенных мной на листе конспекта заглавных букв слова КПСС к концу политзанятий напоминала страшного волосатого паука с множеством тонких маленьких лапок. Шариковая ручка, рисовавшая очередную из этих лапок, съехала тогда у меня с листа бумаги, и я проснулся...

Единственной в СССР кузницей профессиональных кадров флотских политработников было Киевское высшее военно-морское политическое училище (Киевское ВВМПУ). Расположение вдали от моря не мешало ему, однако, готовить... (цитирую из официальной брошюры этого славного учебного заведения):

«...полноценных полпредов партии на флотах, проводящих большую партийно-политическую работу в экипажах и подразделениях по коммунистическому воспитанию лично-

го состава».

«Выпускники этого училища находились на самом переднем крае борьбы за проведение в жизнь политики Коммунистической партии», и делали они своё дело ... с подлинно партийной страстностью».

Это точно. Одно такое проявление партийной страстности на переднем крае борьбы, произошло на нашем корабле во время аварийной ситуации. В мачте, в одном из постов связи БЧ-7, произошло возгорание электропроводки. По аварийной тревоге аварийно-спасательная группа выстроилась, в узком задымленном проходе перед дверью, из-под которой вместе с дымом распространялся едкий запах горелой электроизоляции. Ребята стояли, как учили, в защитных костюмах и специальных шлемах с красными углекислотными огнетушителями ОУ-5, специально предназначенными для тушения горячей электропроводки.

Вдруг раздался шум. Расталкивая локтями ребят из аварийной команды на передний край борьбы с огнём, протискивался, белея парадной фуражкой, Большой Зам. Тяжело дыша и не видя перед собой ничего, кроме конечной цели, он рвался вперёд крепко сжимая пухлыми пальцами пенный щелочной огнетушитель. Ребята из аварийной команды оторопели – на боку огнетушителя, с которым замполит шел наперевес, как в штыковую атаку, четко виднелась надпись: «Не применять для тушения электросети, находящейся под напряжением!». Тушить водным раствором щелочи возгора-

ние электропроводки – это всё равно, что писать на оголенный провод. Время на раздумье не оставалось. Чтобы поджарить себя и ребят, Большому Заму оставалось несколько шагов. Один из годков аварийно-спасательной команды среагировал инстинктивно и быстро. Глухой удар огнетушителем ОУ-5 пришелся Большому Заму четко в кокарду парадной фуражки. Замполит выронил своё орудие массового уничтожения, охнул и сел на палубу. Ребята оттеснили его, окружив плотным кольцом и в несколько минут справились с пожаром.

Прикрывая фуражкой с погнутой кокардой, здоровенную шишку на лбу, Большой Зам долго потом пытался определить своего обидчика. Не получилось. А один из строевых офицеров ему тогда посоветовал: «Ты бы вместо того, чтобы наказать бойца, лучше бы медаль ему дал: он же тебе жизнь спас...»

Не могу удержаться, чтобы не привести ещё несколько цитат из брошюры Киевского ВВМПУ:

«В отличие от других военно-морских училищ, кроме марксизма-ленинизма, в Киевском ВВМПУ обучали ещё марксистско-ленинской философии, истории КПСС, научному коммунизму, политической экономии, партийно-политической работе, военной педагогике и психологии».

«Выполняя указания XXVI съезда КПСС, требования и постановления ЦК КПСС», училище готовило «для славного Военно-Морского Флота настоящих бойцов партии, до-

стойных бессмертной славы легендарных комиссаров».

Можно только представить себе, какой урон, неокрепшей психике молодого матроса, мог нанести один такой преданный «боец», прошедший горнила Киевского Военполита, вооруженный марксистско-ленинской, научно-коммунистической идеологией, вперемешку с передовыми методами психологической обработки!

Ну, что мне ещё можно добавить к этому яркому, красочному описанию, почти дословно цитирующему выдержки из официальных брошюр этого учебного заведения. Пожалуй, только ещё одну цитату:

«Десятки питомцев училища за успехи в службе награждены орденами и медалями СССР и РФ. Многим досрочно присвоены очередные воинские звания»...

Всё это тоже чистая правда. На флоте хорошо знали, что у этой своеобразной касты трутней, у которых «за все душа болит», но которые ни за что не отвечают, всегда были самые блестящие перспективы продвижения по службе. Если корабль успешно выполнял боевую задачу, то одновременно со строевыми командирами, непосредственно участвовавшими в выполнении задачи, замполиты тоже получали равнозначные по уровню правительственные награды.

Но, в семье не без урода! Попадались и среди политработников, выпадавшие из общей массы распределителей благ и вершителей судеб, отдельные нормальные люди. Но они у нас на корабле надолго не задерживались... К счастью,

Российский Флот, как море, имеет способность самоочищаться, выбрасывать из себя на берег, всё лишнее и ненужное. В 1991 году институт «замполитов» в армии и на флоте упразднили за ненадобностью вместе с Главным политическим управлением Советской армии и Военно-Морского флота. Замполитов на флоте не стало, а корабли продолжают ходить в море и успешно выполнять поставленные задачи.

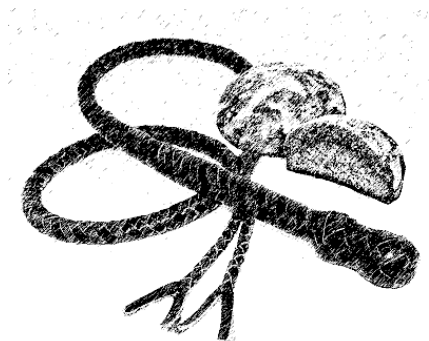
Большой Зам

Если некоторых людей смешать с дерьмом, то получится однородная масса.

(Правда)

Вы не люди. Вы матросы.

(Большой Зам)

Капитан третьего ранга Пал Палыч Сорокопут появился на стоящем в заводе крейсере «Адмирал Фокин» в 1985 году. Он пришел на должность «Большого Замы» – Заместителя командира корабля по политической части, на смену прежнего замполита переведенного в штаб флота.

Командир корабля Самофал (он же Папа) в то время был на сходе, и нового политического лидера представлял старший помощник командира корабля. Старпом был офи-

цер справедливый до мозга костей, безобидный, мягкий, с нескладной, невоенной фигурой, на моей памяти мухи не обидел, голоса не повысил. Но, флот – это не «гражданка», здесь быть мягким, нескладным и без последствий непросто, вот он и получил от экипажа кличку «Олень».

В этот знаменательный день Олень собрал экипаж на юте. Перед моряками с ракетного крейсера «Адмирал Фокин» в первый раз предстала поигрывающая жирком довольная физиономия Паши Сорокопута. Новый Большой Зам стоял, самодовольно улыбаясь, чувствуя себя полноправным хозяином положения. Он оценивающе, как рентгеном, сканировал своим цепким прищуренным взглядом выстроившийся перед ним экипаж, намечая фронт предстоящих работ.

После представления старпома, Большой Зам взял слово. Он вышел перед строем и произнес речь. Из его речи мы поняли, что Родину, нашу мать, мы теперь любить будем больше и чаще. В конце своего монолога Паша Сорокопут сделал многозначительную паузу, пристально обвёл глазами замерший в строю экипаж и отчетливо, делая ударение на каждом слове, произнёс:

– Запомните: вы не люди! Вы матросы!

В наступившей тишине было только слышно, как кричат бакланы. На выдавшем виды славном крейсере тогда впервые прозвучала эта фраза, предопределившая положение вещей, то отношение, которое установилось между Большим Замом и рядовыми членами экипажа на долгие годы его

правления. Экипаж стоял, переваривая эту новость. Не привыкшая к такому обращению команда поглядывала на старпома, ища поддержки, но Олень молчал. Единственный, кто мог одернуть и поставить на место Большого Зама, был Командир Самофал, но Папа был на сходе.

Экипаж тогда ещё не понимал всей значимости этого события, а ведь именно в этот день начинался новый период в жизни корабля. Вскоре после этой знаменитой речи Большого Зама командира Самофала перевели на другое место службы. Командиром крейсера вместо Папы стал Олень. Мягкость характера нашего нового командира не позволяла ему держать в узде властолюбивого «серого кардинала» и тот, чувствуя себя хозяином, лишь лениво имитировал субординацию. На ракетном крейсере «Адмирал Фокин» началась новая эпоха отношений, где мы, матросы, уже перестали быть людьми. Началась эпоха Большого Зама.

Паша Сорокопут освоился быстро. Его деятельная натура взялась за любимое дело с утроенной энергией. Перво-наперво, чтобы, как говорится, держать руку на пульсе, он установил разветвленную сеть стукачей. Заставить матросов стучать на своих же товарищей с риском, как минимум, для собственного здоровья было задачей сверхсложной, но Пал Палыч справился с ней «на отлично». Тут-то и пригодились все навыки, полученные им в Киевском «Военполите».

Для начала в ход пошел весь компромат, услужливо извлеченный маленькими замами из своих каютных сейфов.

Не гнушался Паша и проверкой содержания матросской почты. Благо, корабельный почтальон, сделанный Большим Замом коммунистом, главным корабельным старшиной и по совместительству приборщиком его каюты, был свой человек.

Не забуду, как у меня затряслись поджилки, когда вечером по корабельной трансляции передали: «Матросу Федотову прибыть в каюту Заместителя командира корабля по политической части.»

– Вызывали, товарищ капитан 3-го ранга? – робко спросил я, просовывая голову в каюту замполита.

– А, Федотов, проходи, проходи. Зачем же так официально. Можно – Пал Палыч, без чинов и лишних формальностей.

– Есть, товарищ капитан 3 ранга!

Большой Зам поморщился.

– Вот тут тебе, сынок, письмо пришло из дома. Странненькое такое. – Большой Зам пощупал своими мясистыми пальцами потрепанный белый конверт, на котором рукой моей тётки Леры было аккуратно выведено: г. Владивосток, ВЧ-51288, Федотову Александру.

Я знал, что тётка Лера иногда пересылала мне письма одной моей знакомой девушки, с которой я познакомился за год до службы, будучи в гостях у тётки, в её маленькой питерской квартирке. И всё бы хорошо, если бы не одна маленькая деталь: эта девушка была студенткой из США, логова наше-

го вероятного противника.

Я почувствовал слабость в коленях.

– Раскрой, пожалуйста, – улыбаясь одними губами, тихо сказал Большой Зам и протянул мне конверт.

Я попытался вскрыть конверт, но руки тряслись и не слушались.

– Успокойся, успокойся, сынок, – Большой Зам ласково положил свою влажную ладонь мне на плечо. Его цепкий, холодный взгляд, не отрываясь, следил за конвертом – Давай-ка посмотрим, что там внутри...

Я раскрыл, наконец, конверт и дрожащими руками высыпал на стол, перед Большим Замом всё его скудное содержимое. Из конверта выпал сложенный вчетверо листок клетчатой тетрадной бумаги, исписанный знакомым тётиним почерком. Внутри листка виднелся маленький прямоугольный вкладыш. Сердце моё замерло. Большой Зам рванулся вперёд и ловко вытащив вкладыш, поднес его к своим колючим глазам. Это был маленький карманный календарик на новый 1987 год.

– А-а-а... ну вот, это я и хотел посмотреть...

Большой Зам, бросил календарик обратно на стол. Ему стоило больших трудов скрывать своё разочарование.

Моё сердце снова пошло. Я выдохнул и, быстро забрав со стола содержимое конверта, на ватных ногах поплёлся обратно в кубрик. На этот раз пронесло...

Но мелкие неудачи не могли остановить Большого Зама.

Случались и победы – большие и маленькие. Дело его спорилось, и вскоре он уже собрал обширную картотеку компромата на большинство членов своего экипажа. В своей работе Паша мастерски использовал два своих любимых метода: «кнут и пряник» и «разделяй и властвуй». Как кнут в ход шли все подсмотренные, подслушанные маленькие человеческие слабости, пороки, ошибки, аккуратно собранные в личное «досье».

– Или, сынок, твои друзья об этом узнают, или помоги мне с некоторой информацией... – ласково говорил Зам, усаживая у себя в каюте новую жертву и выкладывая перед ним на стол «интересные» материалы из досье.

Как пряник Паша обещал исполнение всех, даже самых заветных желаний, в зависимости от ситуации. Заботишься о карьере после службы? Порекомендую в партию, чтобы потом на гражданке карьерный рост и открытая дорога в светлое будущее. Девушка грозиться бросить? Внеочередной отпуск домой! Хочется в увольнение, в город? Пожалуйста, завтра же! Хочешь во время службы зарплату по максимуму и домой с лычками главного корабельного старшины? Без проблем! Всё обещал, всё мог всемогущий Паша Сорокопут, но не дай бог, кому дать слабину и попасться на этот его, мастерски закинутый крючок. Хватка у Большого Замы была железная. Один раз, дал слабину – всё, с крючка уже не соскочишь. Большой Зам берег свои кадры, заботился о них. Они были его глаза и уши в кубриках и на боевых постах.

Конспирация тут у него была полная, как у Штирлица.

Основной сбор оперативной информации Большой Зам вел через приоткрытый иллюминатор своей каюты, стратегически расположенной в укромном месте, в узком проходе, на верхней палубе по левому борту. Вроде просто идет мимо, прогуливается матросик. Хоп! – одно незаметное движение и записка уже у Большого Зама. И уже потянулись его щупальца к горлу очередной жертвы. Цель у Большого Зама всегда оправдывала средства. Он как миловал за тайное пособничество, так и казнил за явный отказ. А в гнев он был страшен. Одним из излюбленных методов Большого Зама были одиночные, доверительные собеседования. Каждый новоприбывший матрос проходил через такое испытание беседой «один на один» с Пашей Сорокопутом.

Не избежал её и Роман Фролов. Большой Зам вызвал его на собеседование одним из первых, как только узнал из предоставленного бывшим замполитом досье, что Роман является не кем иным, а внучатым племянником самого адмирала Фокина. Того самого бывшего Командующего всем Тихоокеанским Флотом, чьим именем был назван наш славный корабль.

– Вызывали, товарищ капитан 3 ранга? – приоткрыл дверь каюты Замполита Роман.

– А, как же! Заходи, заходи, сынок! – лоснящееся от пота лицо Зама выражало одновременно ласку и полное радушие. – Садись, вот здесь поудобнее... Чайку хочешь? Наслы-

шан, наслышан о твоём родстве. Очень рад. Продолжение славной флотской династии. Очень, очень хорошо...

Роман сидел и, улыбаясь в ответ, внимательно слушал Замполита: «Говори, говори», – думал он про себя.

Поговорив ещё немного об адмирале Фокине, о его славном, героическом прошлом и о том, как Рома похож на своего деда, Большой Зам плавно перешел от слов к делу – главной цели этой беседы.

– Ну что, сынок, в отпуск-то к родственникам на свой день рождения хочешь, небось? – он дружески похлопал Рому по плечу.

– Неплохо бы, – улыбнулся Рома.

– А главным корабельным старшиной домой явиться? Тот девушки будут заглядываться!..

– Кто ж главным корабельным не хочет-то?.. Конечно, хочу! – включил дурака Рома, думая про себя: «Мягко стелет, жестко спать будет».

– Ну, вот и отлично, сынок. Всё в наших руках, – и Большой Зам продемонстрировал Роману свои вечно влажные потные ладони.

Большой Зам придвинулся поближе. Матрос и Замполит сидели близко, друг напротив друга. Роман чувствовал на себе его тёплое, прелое дыхание. Наживка была закинута. Зам медленно и осторожно потянул на себя.

– Я вижу, что ты ответственный матрос. Тебе можно доверять. Твой дед мог бы тобой гордиться. Тут такое дело, сы-

нок, на корабле, сам видишь, порядка нет. По кубрикам черт те что творится. Мне нужна твоя помощь, Рома, чтобы остановить этот бардак, который творится на корабле...

Большой Зам говорил, а Рома сидел, кивал, думая, только о том, как ему из этой ситуации теперь выпутываться. Большой Зам ведь так просто не отпустит.

– Ты же с экипажем общаешься, всё знаешь, так вот мне и нужна от тебя информация о разных хулиганах, нарушениях, о том, что творится на боевых постах, – начал потихоньку подсекать добычу Большой Зам.

– ...Я не понял, товарищ капитан 3-го ранга...

– Ну, Рома – «Пал Палыч», – ласково поправил его Большой Зам

– ...Я не понял, Пал Палыч, вы меня что, стучать просите?

Зам поморщился – добыча уходила, но лицо его выражало только грусть и отеческую заботу.

– Рома, ну брось ты, честное слово, это нехорошее выражение – «стучать». Здесь никто никого стучать не просит. Не стучать, Рома, а ин-фор-ми-ро-вать. ...Информировать, понимаешь? Это большая разница. Мне нужна твоя помощь, чтобы на корабле, который именем твоего деда назван, навести элементарный порядок. Поможешь мне, сынок?

Рома сделал невнятное движение головой. И Большой Зам не смог сразу расшифровать этот неоднозначный ответ.

– Ну? Поможешь? – подсекал Замполит.

Рома вилял, как мог, уклоняясь от прямого ответа. Ещё

минут пять Большой Зам тянул на себя, но уже понимал, что на этот раз не получится – сорвалась добыча.

– Ну, ладно, – раздраженно сказал Большой Зам, кидая на стол авторучку. – Ты иди, подумай, завтра поговорим. – и он встал, давая понять, что на сегодня разговор окончен.

– Подумаю, тащ... капитан 3-го ранга!

Рома открыл дверь и сделал шаг в коридор. Придерживая, но не закрывая до конца дверь в каюту, он оглянулся по сторонам. Коридор был пуст. Извечного посыльного Командира не было на месте. Рома на секунду замешкался. Он стоял, что-то обдумывая, соображая. Через мгновение, он решительно приоткрыл дверь и просунул голову в каюту Большого Зама.

– Товарищ капитан 3-го ранга, разрешите обратиться?

Успевший сесть Большой Зам привстал. В его глазах вспыхнули огоньки надежды.

– Конечно, конечно, Рома, обращайся. Ты уже подумал?..

– Товарищ капитан 3-го ранга, идите вы на х**!..

Быстро захлопнув дверь, Рома бросился бегом по коридору подальше от Замполитовской каюты.

– Сгною-ю!!! – нёсся ему вслед рёв Паши Сорокопута.

С этого момента про Рому и Большого Зама можно было сказать словами Саида из фильма «Белое солнце пустыни»: они не любят друг друга. Начались репрессии. Из «блатной» команды медиков внучатого племянника адмирала Фокина перевели в считавшуюся самой грязной и тяжелой, (а на

деле в самую дружную) электромеханическую боевую часть пять (БЧ-5). Ему зарубили рапорт о поступлении в Ленинградскую Военно-Медицинскую академию им. Кирова, разжаловали из старшин в матросы. За последний год службы Большой Зам объявил Роману в совокупности 3 месяца и 9 дней ареста. Большой Зам держал обещание – «гноил», как мог. Он без сомнения сделал бы много больше, но сработал инстинкт самосохранения. Он всё же опасался: как-никак, а родственник бывшего командующего флотом. Именем его деда корабль назван.

* * *

Осенью 1987 года к нам во Владивосток в нашу военно-морскую базу, приехал известный петербургский бард Александр Розенбаум! В начале семидесятых во время учебы в Первом медицинском институте Розенбаум сам стажировался на кораблях Тихоокеанского флота. Вот и решил дать концерт специально для нас, моряков тихоокеанцев, прямо с юта одного из стоявших у стенки (причала) военных кораблей. В нашей, замкнутой в ограниченном пространстве корабля казённой жизни, где, в смысле музыки, кроме строевых песен, запрещено было всё: и магнитофоны, и гитары, и музыкальные телепрограммы, приезд Розенбаума был Событием с большой буквы.

Как нам всем хотелось быть на этом концерте! И Боль-

шой Зам это отлично понимал. Он построил экипаж и со своей, вечно прищуренной улыбочкой медленно ходил вдоль строя, собственноручно отбирая горстку избранных, достойных сойти на стенку и подойти к стоявшему в трехстах метрах от нас кораблю-счастливчику. В первый и последний раз за время моей службы к нам в базу, специально для моряков, с концертом приехал исполнитель такого масштаба. Розенбаум пел, а перед ним на стенке стояла всего лишь кучка, человек пятьдесят, – «отличников боевой и политической подготовки», собранных замполитами с разных кораблей. А мы, не отобранные Большими Замами, стояли на своих кораблях и, опершись на леера (поручни) тянули шеи, пытаюсь уловить хоть какие-то обрывки слов, доносящихся издалека любимых песен... Это было Пашино «разделяй и властвуй» в действии. Тогда после концерта наш Большой Зам пригласил Розенбаума к нам на корабль и, угощая его в офицерской кают-компании, попросил написать для корабля строевую песню. Александр Яковлевич отказался.

* * *

Последнее, что я слышал о Большом Заме, это то, что он, продолжая традиции легендарных комиссаров, работал военным комиссаром в городском военкомате одного маленького городка – отвечал за призыв молодого пополнения. Говорили также, что один раз он даже пытался пройти в де-

путаты местного законодательного собрания, к счастью для местных жителей – безуспешно.

Как у «оленя» шило увели

Только русский человек услышав слово «пол-литра» не станет спрашивать – «пол-литра чего?»
(Правда)

***Справка:** Издавна на флоте спирт носит странное жаргонное название – «шило». Когда-то, еще на парусном флоте, водку, по чарке которой непременно наливали матросам перед обедом (кто не пил – тому к жалованью каждый день пятак добавляли), хранили в кожаных бурдюках. Завязки как-то там особо опечатывались, чтоб было видно, если кто покусится на святое. Так вот самые ушлые матросы наловчились бурдюки шилом прокалывать. Добытое таким образом спиртное называлось «шилным» или «шиллом». Ис-*

Эта история произошла до моего прибытия на корабль, когда Олень ходил ещё в старпомах. На флоте со спиртным было туго. Выпивать доводилось не часто, так что и выбирать особо не приходилось, пили, что подворачивалось по случаю – от браги до концентрированной укропной эссенции: лишь бы эффект был. Эту эссенцию нам на камбузе по несколько капель в котел с супом добавляли – для привкуса витаминов. Как вспомню запах этого укропного концентрата у себя в стакане, до сих пор выворачивает. Особым почетом на корабле пользовался коктейль «Александр Третий»: две части одеколона «Тройной» и одна часть одеколона «Саша». О «шиле» даже не думали: о-о-очень редкий деликатес.

Однажды в кубрик, где годки расположились на отдых, ворвался запыхавшийся посыльный командира корабля, рябой полторашник по кличке Слон, и слил информацию:

– Ребята, Олень приволок в свою каюту две трёхлитровые банки «шила»!

– Врешь?!

– Ну, падла буду! Спрятал их в сейф у себя в каюте, а сам свинтил на сход..., – с трудом переводя дыхание, выпалил Слон.

– Браты, поднапрягите мозги – нельзя это упустить, – при-
встал с рундука годок Сиплый. Его голос заметно дрожал от

волнения, – Куда одному Оленю шесть литров!?

Кореш Сиплого, Пашин прыгнул со шконки и сформулировал задачу:

– Короче, ребята, задача не из лёгких: как можно из находящегося в запертой каюте старпома, закрытого, опечатанного, привинченного к палубе сейфа добыть шесть литров «шила» и, главное, сделать это так, чтобы Олень абсолютно ничего не заподозрил?

Задача на первый взгляд невыполнимая. Но в кубрике на совет собрались в тот день не малые дети, а годки флота российского. А когда речь идёт о «шילה», для матроса нет ничего невозможного. Но у Оленя шило не в кожаных бурдюках хранилось. Тут по старинке не справишься. Мозговой штурм бушевал час. А когда наступила тишина, план был готов и операция по отделению «шила» от Оленя началась. Время поджимало. Олень должен был вернуться часа через три.

По всем коридорам на подступах к каюте на стрёме расставили карасей – сигнальчиков. Крыса не проскользнёт, не то что офицер. Сиплый с Пашиным, незамеченными, под прикрытием карасей, пробрались по офицерскому коридору к заветной каюте. Пашин отработанным движением вставил в замочную скважину загнутый электрод. Раздался щелчок: вход в каюту был свободен! Аккуратно закрыв за собой дверь, годки огляделись по сторонам. Сейф стоял у левой переборки, закрыт, опечатан и намертво прикручен к палубе. Сиплый внимательно оглядел его и выглянул в коридор.

– Ну? Как? – шёпотом спросил годок, дежуривший около двери каюты.

– Пока никак... Давай ключ на 22 и обрез (таз). Да, и ещё: там гайки палубной краской покрашены, скажи карасям, чтобы ещё чуток краски родили... Только быстро...

Ключ на 22 и обрез принесли через полминуты, чуть позже краску. Сиплый работал ключом усердно. Тяжело сопя, он, высунув язык, с трудом проворачивал прикипевшие, замазанные краской гайки. Прошло долгих десять минут, прежде чем он открутил, наконец, все четыре.

– Вроде бы всё, – перевёл дыхание Сиплый.

Годки, тяжело пыхтя, приподняли сейф и аккуратно, стараясь не повредить печать, встряхнули. Раздался жалкий звон разбитого стекла. В нос ударил до боли знакомый запах.

– Не обманул Слоняра! – ухмыльнулся Пашин.

Сейф осторожно наклонили, и из щели между дверцей и корпусом, потекло тоненьким ручейком драгоценное «шило» в предусмотрительно подставленный обрез.

– Точно шесть литров! – улыбнулся Сиплый, вместе с Пашиным устанавливая на место полегчавший сейф. – Теперь гулять можно.

Дальше было дело техники: сейф прикрутили гайками, мазнули краской пошкарябанную резьбу, закрыли дверь каюты, электродом защёлкнули замок... Теперь можно расслабиться и гульнуть.

Старпом потом долго сокрушался: в заводе стоим, в мо-

ре не ходим, шторма нет, как же банки в сейфе разбились?! Короче говоря, он так и не въехал, в чём дело. Олень, одним словом...!

* * *

На большом противолодочном корабле «Маршал Ворошилов», где служил мой друг Дима Голиков, с «шилом» тоже история вышла. Во время боевого похода к ним на корабль погрузили двухсотлитровую бочку с «шилом». Командир корабля, конечно, понимал, что это, всё равно, что ягнёнка в стаю к волкам кинуть. Пока до этой бочки кто-нибудь доберётся, лишь дело времени. Но по правилам, эта жидкость положена для бачка-омывателя лобового стекла вертолёта и для протирки контактов. Значит: грузи и охраняй.

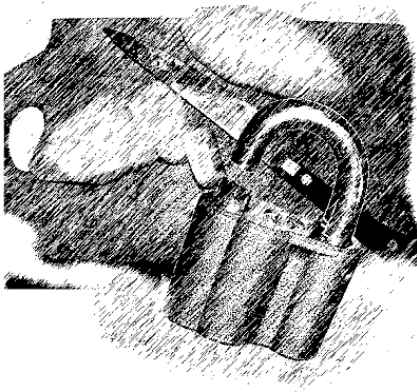
Легко сказать: охраняй! А как? Бочку к себе в каюту не поставишь, а в любом другом месте доберутся ведь сволочи. Думали всем офицерским составом и придумали: хранить бочку в вентиляционном отсеке, что в офицерском коридоре, отсек закрыть на висячий замок и опечатать, а у двери поставить часового, чтоб головой отвечал, если что. Так и сделали. Куда ещё надёжней?

Часовой стоит. Печать висит. Но, через неделю Командир нюхом учуял что-то неладное. Решили на всякий случай проверить. Отодвинули часового, вскрыли печать, открыли вентиляшку, а бочка пустая – ни капли «шила». Начали рассле-

довать и только после долгих поисков, на дне бочки обнаружили маленькую такую дырочку. Её, дырочку, как оказалось, снизу, через палубу, просверлили... Значит правду говорят: «шила» на корабле не утаишь.

Тупой и картошка

Кто служил на флоте, тот в цирке не смеется.
(Правда)

Справка: Пиллерс: Одиночная, вертикальная стойка, поддерживающая палубное перекрытие судна.

Прохладным Владивостокским утром Большой Зам собрал экипаж на построение.

– Экипажу корабля построиться по сигналу «малый сбор» на юте! – пробасил динамик с крыши покосившейся деревянной будки-временки, для солидности именуемой у нас на корабле «рубкой дежурного».

Экипаж выстроился по бортам. Ёжась от пронизывающе-

го ветра, матросы стояли, переминаясь с ноги на ногу. На середину вышел Большой Зам:

– Товарищи матросы, я хочу представить вам нового замполита боевой части пять лейтенанта Тупченко. Он только что окончил Киевское Высшее Военно-Морское Политическое Училище, и мы рады принять его в нашу дружную фокинскую семью!

Бум! Бум! Мы вздрогнули от неожиданности. Отделившись от флагштока, с грохотом чеканя шаг по железной палубе, вдоль строя вышагивал незнакомый долговязый лейтенант. Бум! Бум! Барабанил он каблуками, оттягивая носок ботинка, как почетный караул у мавзолея. В строю переглянулись: на нашем корабле, стоявшем в ремонте последние шесть лет, офицеры ходили спокойно вразвалку, не то что шаг не чеканили, ноги еле поднимали, а тут – пятки выше головы задирает. Наверное, – орел...!

Сделав ещё шаг, лейтенант лихо развернулся на девяносто градусов лицом по направлению к центру площадки. Бум! Он впечатал каблук, оставляя след на ржавой палубе. Бум! Бум! Щелкнув каблуками, лейтенант замер как вкопанный в полуметре от опешившего Большого Зама.

– Товарищ капитан третьего ранга!!! Лейтенант Тупченко для прохождения службы прибыл!!! – проорал он, чуть не сдув с головы Большой Зама фуражку.

Большой Зам, зажмурясь, инстинктивно отклонился назад. После некоторого замешательства он поправил фураж-

ку и, поведя бровями, поспешил свернуть церемонию представления. Он по-отечески похлопал молодого лейтенанта по плечу и пробубнил:

– Ну-ну, вы тут знакомьтесь, вникайте, повышайте... – и ретировался.

Так я первый раз увидел лейтенанта Тупченко. Новый маленький зам освоился быстро и шаг по ржавой палубе больше не печатал. Длинный, с оттопыренными ушами на вытянутой голове, он ходил по кораблю странной прыгающей походкой. «Тупой», – окрестили мы его. Кличка прижилась.

На следующий день после прибытия Тупой вместо офицерской кают-компании неожиданно появился на обеде в матросской столовой. Он подходил к матросам, знакомился, пытался завязать беседу. Говорил вкрадчиво, с еле заметным украинским говорком, заглядывал в глаза и заискивающе улыбался.

– Ребята, можно мне с вами покушать? – вежливо спросил он разрешения у матросов сесть рядом с ними за бак (стол).

Получив само собой разумеющееся «добро», Тупой присел на самый краешек. Бочковой подал ему миску. Лейтенант вежливо поблагодарил и с аппетитом, причмокивая, стал уплетать пресную перловку. Матросы переглянулись: это блюдо, которое с таким показным аппетитом, поглощал лейтенант, здесь называли «шрапнель» или «РБУ», в честь ракетно-бомбовой установки или из-за возможных последствий защитной реакции здорового организма. Как бы бед-

ныге после такой лошадиной дозы не пришлось с непривычки потом в гальюне этой шрапнелью отстреливаться. Говорили, что был у нас один боец, который однажды попытался после «шрапнели» пропердеть Интернационал. Не получилось – слуха не было.

В перерывах между заглатыванием перловки Тупой, заглядывая в глаза соседям по баку, расспрашивал о жизни. Внимательно выслушивал стандартные ответы и доверительно пространно рассказывал о себе, хотя никто его об этом не спрашивал.

– Втирается в доверие, – простодушно поделился своим наблюдением один из сидевших рядом с ним матросов.

Тупой поперхнулся, но сделал вид, что не расслышал.

Толи потому, что его раскусили, толи потому, что эта игра в демократию ему надоела, а может офицерская хавка пришлась ему больше по душе, но с того дня лейтенанта в нашей столовой я больше не видел...

Цель жизни каждого маленького зама – прогнуться перед Большим. А самый верный способ прогнуться – прихват, то есть застать матросов с поличным за каким-нибудь неуставным делом: за занятием спортом с самодельными гантелями, за накалыванием татуировок, прослушиванием магнитофона, распитием чая или тройного одеколona...

В тот день мы сидели в носовой электростанции и как раз готовились заняться ещё одним из таких неуставных дел – жаркой картошки.

– Достал! – ввалился в помещение электростанции никогда не унывающий дизелист Халифаев. Торжествующе улыбаясь, он вывалил на стол свою добычу: пару кило картошки, полбуханки мягкого белого хлеба, десяток кусков сахара и здоровенный кусок сливочного масла, завернутый в плотную коричневую бумагу. – У земляков из хлеборезки разжился!

– Ну, класс! – обрадовался я. – Сковородка есть, плитку сейчас сварганим.

Халифаев был из Таджикистана. Его земляки держали хлеборезку, а следовательно, имели прямой доступ к хлебу, маслу и сахару. Через них можно было доставать и другие продукты. Уже месяц подряд нас пичкали одной пресной перловкой с запахом мяса. Картошка для личного состава, сваленная около камбуза в деревянный загон, обустроенный на палубе, закисло и частично подгнила. Матросы, стоящие в наряде по камбузу, поштучно вылавливали еще годные скользкие картофелины из сладковато пахнущей кучи. Выловленной картошки хватало разве что на суп с укропной эссенцией (вместо зелени), не разжуешься. А тут целый мешок настоящей негнилой картошки! Кадеты не обеднеют. Намечался пир, и каждому нашлось дело по подготовке. Коля Кондрашов неторопливо налаживал кипятильник, сделанный из спирали накаливания разобранного утюга. Будучи родом из небольшого рязанского села, Коля вообще всё всегда делал спокойно и основательно. Володя Селезнёв – Лом, получивший эту кличку за рост и недюжинную физи-

ческую силу, и два Андрюхи, Павлов и Тюрюханов, чистили картошку.

Тюрюханов и Павлов оба были аккуратисты, ходили всегда с иголки и даже по характеру были похожи друг на друга. Только Тюрюханов был высокий, а Павлов – ему по грудь. Андрюха – меньший был родом из Чувашии и часто проводил время, болтаясь на турнике, растягивая позвоночник. Кто-то ему посоветовал, что это полезно для роста. Однажды два Андрюхи долго спорили про какого-то парня:

– Это сделал тот высокий! – кричал Павлов.

– Да какой высокий, там не было никакого высокого! – возражал Тюрюханов.

– Да я точно помню – высокий...

Потом оказалось, что это они про одного и того же парня спорили, только с разных точек зрения...

Я взялся устанавливать самодельную электроплитку, а Халифаев пошёл навешивать с наружной стороны входной двери в электростанцию здоровенный навесной замок. Это делалось для того, чтобы сбить с толку офицеров, сновавших по кораблю в поисках прихвата. Пусть думают, что в помещении никого нет.

Электростанция располагалась на второй палубе корабля, так сказать, на втором этаже, и попасть в неё можно было двумя способами: через «броняшку» основного входа, если спуститься по трапу из столовой в тамбур, и через менее известный офицерам запасной люк в подволоке (потолке) элек-

тростанции, который так же выходил в столовую. Халифаев повесил замок снаружи на основной вход, а сам вернулся к нам через запасной люк и тут же завязал его изнутри шкертиком (верёвкой): бережёного Бог бережёт.

Через час аромат жареной картошки наполнил электростанцию. Мы шестером сидели вокруг сковородки и с наслаждением уплетали поджаристую, шипящую в масле жарянку, запивая её крепким душистым чаем. Корабельные крысы, взбудораженные необычным запахом, оживились. Одна из них, самая отчаянная, прошуршала по кабель-трассе прямо у нас над головами.

– Мы этих крыс теперь на запах можем приманивать. Со всего корабля сбегаются. Лови не хочу, – сказал я.

– Ну да, Большой Зам как раз недавно объявил, что для отпуска теперь не сто, а только пятьдесят надо, – задумчиво проговорил Халифаев, неторопливо провожая взглядом смелую крысу...

– Всё полегче, – прикинул Тюрюханов.

Мы согласно кивнули. Пятьдесят, конечно же, было легче, но ехать в отпуск за крыс мы всё равно не собирались, хотя никто из нас за всю службу в отпуске так и не был. Коля долил мне в кружку настоявшегося чая. Пир продолжался.

Вдруг интуиция, или какое-то другое чувство, обостренное жизнью на волоске от прихвата, заставили меня насторожиться. Я поднялся и на цыпочках подошёл к входной «броняшке». Длинная ручка двери медленно поднялась и опусти-

лась, как будто кто-то хотел убедиться, что всякий замок с наружной стороны двери действительно не даст ей открыться. Я приложил ухо к «броняшке». Кто-то осторожно топтался с той стороны в тамбуре. Шаги прошуршали вверх по трапу и затихли. Я рванул обратно к ребятам:

– Атас! – прошептал я, приложив палец к губам. – Кто-то около броняшки скребется!

– Может, кто из своих? – с надеждой спросил Коля, неторопливо отхлебывая чай из побитой эмалированной кружки.

– Все свои дома сидят, только чужие шастают.

– Это точно. Свои знают: раз замок висит, значит, ребята не хотят, чтобы им мешали.

– Сейчас пока всё тихо. Но надо быть начеку, – заключил я.

Настроение у всех несколько подпортилось. Мы продолжили есть картошку и пить чай, настороженно прислушиваясь не возобновятся ли странные звуки с той стороны. Они, однако, не заставили себя долго ждать. Уже через несколько минут мы услышали осторожные шаги, а потом, странное, противное скрипение, как будто кто-то елозил гвоздём по стеклу.

Мы переглянулись. Надо было прояснить ситуацию. Я медленно поднялся по вертикальному трапу, ведущему к запасному люку, размотал шкертик на ручке и чуть приподнял тяжелую крышку. В столовой никого. Осторожно откинув крышку люка, я вылез наверх. Странные звуки доноси-

лось из нижнего тамбура. Из столовой туда вёл вертикальный трап. На цыпочках, ступая тихо, как только можно, я подобрался к трапу и заглянул вниз... Там был лейтенант Тупченко. Он пилил замок. Высунув от усердия кончик языка и старательно сжимая в руке неудобное полотно ножовки, он суетливо елозил пилкой по массивной дужке навесного замка. Работа была не простая: дужка толстая, полотно то и дело соскальзывало. Но Тупой, предвкушая верный прихват, прислушиваясь и принюхиваясь, продолжал пилить, не замечая меня, то и дело стирая со лба капли трудового пота. Единственное, что огорчало его – это то, что Большой Зам не мог видеть и оценить по достоинству все его старания. Настоящему герою всегда нужен свидетель подвига.

Я знал, Халифаев навесил хороший замок. Тупому потребуется минут сорок, чтобы перепилить дужку. Не теряя времени, но особо и не суетясь, я спустился обратно в электростанцию.

– Ребята, прихват! Там Тупой! Пилит!

– Что пилит? Замок!? – не поверил своим ушам Лом.

– Ну!..

– Да он чё, вообще поехал!? Там же дужка с палец! – Лом оторопело выставил перед собой перепачканный маслом указательный палец.

Мы с уважением смотрели на палец Лома, по достоинству оценивая трудовой подвиг молодого лейтенанта.

– Во пидор! – как всегда лаконично заключил Коля Кон-

драшов.

Не торопясь, мы доели картошку, допили чай, вылили остатки заварки в трюма и рассовали всё нелегальное оборудование по многочисленным шхерам. Через пять минут от бывшего пиршества не осталось никаких следов кроме запаха. Все участники пиршества без суеты и лишнего шума выбрались наверх через запасной люк. Встречать Тупого по эту сторону броняшки остался один я. Остался не потому, что мне очень хотелось с ним повидаться: просто я был дежурным по электростанции и должен был находиться на своём боевом посту по вахтенному расписанию. Я огляделся. Кругом чистота и порядок. К боевому посту не придраться.

Оставшееся время я потратил на приведение самого себя в уставной вид. Я натянул поверх тельника голландку, надел нарукавную повязку дежурного, сменил домашние тапочки на рабочие ботинки – прогары, напялил головной убор – пилотку и для полноты натюрморта взял в руки устав, мол, изучаю во время дежурства. Закончив все приготовления, я продолжил ожидать лейтенанта Тупченко, по миллиметру преодолевавшего свое стальное препятствие. Минут через десять я расслышал, как он шепотом чертыхнулся за дверью, похоже, порезался. Мне даже захотелось ему помочь.

Я однако недооценил служебное рвение лейтенанта, жаждущего похвалы своего Большого начальника. Я думал, Тупому потребуется как минимум минут сорок, но он справился с поставленным перед собой заданием на восемь минут

быстрее. Ровно через тридцать две минуты ерзание за дверью прекратилось, послышался звук падающего замка, «броняшка» распахнулась и в электростанцию торжествующе ворвался сверкающий глазами и каплями пота лейтенант Тупченко. Рот его раскрылся, чтобы крикнуть «Ага!», но я опередил его. Вытянувшись по стойке смирно, я проорал прямо в его раскрытый рот:

– Товарищ лейтенант, за время моего дежурства происшествий не произошло! Дежурный по носовой электростанции, старший матрос Федотов.

Тупой отшатнулся. Он заметался по электростанции, как шакал, принюхиваясь и отчаянно выискивая следы преступления. Я остался стоять на своём месте, прислушиваясь к мелкому топоту его офицерских ботинок. Запыхавшись, Тупой остановился наконец возле меня. У него ещё теплилась надежда. Он оглядывался по сторонам и жадно втягивал ноздрями ещё витающей в воздухе, еле уловимый аромат жареной картошки. Она должна быть здесь! Но вокруг всё было подозрительно чисто. Тупой задрал голову и тут его взгляд уперся в запасной люк, красным пятном зиявший прямо над его головой. Богатая гамма эмоций отразилась на его вытянувшемся лице. Тупой вдруг отчетливо осознал, что безымянные скромные свидетели его подвига всё-таки были, что они испарились через этот люк, под самым его носом, а его показательно кинули.

– Потеряли что-то, товарищ лейтенант? – невинно поин-

тересовался я. Лицо мое выражало искреннее участие, только глаза смеялись.

Тупой бросил на меня полный ненависти взгляд:

– Почему замок на электростанции!?! – взвизгнул он.

– Не понимаю, товарищ лейтенант, о каком замке вы говорите?

– Снаружи! Навесной!

– А как же вы сюда вошли? Открыли? – простодушно спросил я.

Лейтенант понял что ловить здесь нечего, что всё: и тридцать две минуты ударного труда, и перепиленная дужка, и израненные пальцы... – всё-всё впустую. Лицо его вдруг перекосило, похоже, до Тупого окончательно дошло, какую шутку с ним сыграли. Не говоря больше ни слова, лейтенант вышел вон из электростанции, громко хлопнув «броняшкой» и с силой пнув об стенку исковерканный замок Халифаева.

* * *

Тупой отомстил мне через неделю. Наш корабль стоял на рейде. Мне первый раз за год дали на четыре часа увольнительную в город. Сказать просто, что мне очень хотелось сойти, с корабля – это не сказать ничего. Я уже не помнил, когда я последний раз покидал его железные недра. Мы выстроились по левому борту для проверки формы одежды перед увольнением. Проверял Тупой. Но я ещё на что-то наде-

ялся.

– Товарищ матрос, у вас брюки плохо поглажены, – небрежно бросил лейтенант, проходя мимо.

Я бросился переглаживать. В душе понимал: бесполезно. Эти брюки, я и так с мылом гладил – о стрелки можно было порезаться. Но надежда умирает последней. Через пять минут я уже мчался обратно. На левом борту никого не было. А от корабля медленно отчаливал катер с матросами, идущими в увольнение. Покачиваясь на волнах, с катера на меня смотрел Тупой и улыбался...

* * *

Дело Тупого – прихватить нас с поличным за жаркой неуставной картошки осуществил другой лейтенант из штурманской боевой части. За лысую, как шар, вечно красную, потную маленькую голову этот персонаж получил от экипажа кличку, соответствующую женскому интимному органу, рифмующемуся со словом «литр». Клички на флоте давали метко, тут одного внешнего склизкого вида было мало. Возможно помогло ещё и то, что этот офицер, сам постоянно залетающий то за пьянку, то за неряшливый внешний вид, пытался заработать себе звёздочку, прихватывая других.

Как сейчас помню: этот Клитор ворвался к нам в электростанцию, учуяв запах жареной картошки из закрытого на ви-

сячий замок отделения дизель-генератора. Мы сидели и слушали музыку, хрипевшую из старенького кассетного магнитофона «Электроника 302» с логотипом московской Олимпиады-80 на корпусе. Это было настоящее сокровище, принесенное нам Халифаевым. У него было только две кассеты «МК»: одна с таджикской музыкой, а другая с блатной.

У Клитора разбежались глаза. Ему хотелось всё: и магнитофон, и картошку, и звёздочки на погоны! Это был мегаприхват! Он метался из угла в угол, соображая, как бы ему объять необъятное: доложить дежурному офицеру, не дать нам возможности разбежаться, картошку захватить и, главное, магнитофон для своей каюты. Клитор клитором, а соображал, что если он хоть на минуту отлучится, то всё – поминай как звали.... Уйдем с концами. Вместе с картошкой и магнитофоном.

– Магнитофон сюда! – заорал возбужденный, Клитор, протягивая руку.

– На забирай, – спокойно ответил Халифаев.

Он встал и взял магнитофон за шнур. Песня «Таганка» оборвалась на полуслове. Халифаев, глядя прямо в глаза лейтенанта, медленно, как лассо, раскрутил магнитофон над головой. И прежде чем испуганный Клитор успел среагировать, Халифаев с треском шмякнул магнитофон об пиллерс прямо перед его носом. Пластиковые осколки брызгами разлетелись во все стороны...

Расстроенному Клитору досталась тогда только электро-

плитка с запахом. Пока он бился с Халифаевым за магнитофон, картошку частично съели, частично выкинули в трюма. Даже сковородку припрятали. А одна электроплитка с запахом, без картошки, на мега прихват уже не тянула.

Старпом долго потом допытывался, что да как, кто зачинщик, откуда запчасти для магнитофона, чья электроплитка... Мы, естественно, ничего не сказали. А зачем говорить? Что это изменит? Дальше Камчатки не пошлют. Тогда этот офицер запер нас четверых, меня, Халифаева, Андриюху Тюрюханова и Колю Кондрашова, в боевом посту связи, размером чуть больше телефонной будки. Если один из нас, поджав ноги, ложился на палубу, то остальные могли только стоять на одной ноге. Так мы и пробыли, запертые, в этом «шкафу» в полной темноте половину нашего первого настоящего морского похода, из Владивостока до Камчатки. Правда, в темноте мы сидели недолго. Будучи электриками, мы с Колей на ощупь быстро исправили ситуацию: включили аварийное освещение от аккумулятора. Коля, как-никак, был электриком слабого тока, и это было его хозяйство, а своё хозяйство он всегда изучал досконально. Мы сидели на палубе, поджав к груди колени, рассказывали друг другу истории, смеялись и ни о чем не жалели. И даже сейчас, когда я вспоминаю обалденный запах той хрустящей, жаренной в масле картошки, у меня слюнки текут.

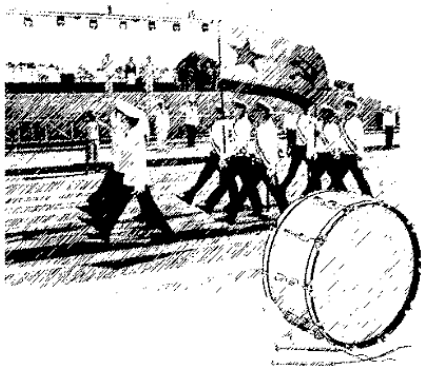
Марш-бросок

*Строевую песню пойте громче: чем громче поешь,
тем лучше усваивается.*

(Фольклор)

*Чем меньше делает политработник, тем больше
его труд похож на подвиг.*

(Правда)

Ожидалось, что Горбачёв посетит Владивосток как раз ко дню Военно-Морского Флота. По такому случаю на наш корабль пришла срочная разнарядка: выделить отборную роту для принятия участия в военном параде. Большой Зам, пытая от усердия, лично взял на себя ответственность за строевую подготовку парадного расчёта. По его приказу несколько десятков матросов, и я в их числе, вторую неделю в пе-

перывах между авралами отбиваем каблуки и глотаем пыль, чеканя шаг на стенке перед кораблём.

От такой муштры «караси», а по интересному совпадению, так на флоте называли не только молодых матросов, но и обыкновенные носки, сбивались и истирались до дыр за два дня таких строевых занятий. По вечерам мы усердно штопали дыры на пятках, но к концу недели «караси» съёживались до размеров следков и для штопки живого места уже не оставалось. Денег на покупку новых карасей не было, выдача очередных положенных по уставу четырёх пар ожидалась только через год... И летели во все концы страны письма к родителям: «пришлите хоть несколько пар носков... самых дешёвых... Только главное, чтобы уставного, черного или тёмно-синего цвета ...»

– Левой! Левой! Раз! Два! Три! – надрывается лейтенант Тупченко, по поручению Большого Зама муштрующий нас на стенке.

Сам Большой Зам, осунувшийся, с мешками под глазами, наблюдал за нами с борта корабля, как с трибуны мавзолея. Прошёл слух: он ожидает грузовики, которые должны отвезти нас на стадион, где контр-адмирал устроил очередной смотр – репетицию перед парадом. Этот стадион расположен километрах в десяти от нашей базы. Время шло, а грузовиков всё не было. Большой Зам уже последние двадцать минут нервно постукивал кулаком по леерам.

– Левой! Левой!

Стучат по асфальту матросские каблуки.

– За-пе-е-вай! – командует лейтенант.

Мы переглядываемся. Кто начнёт первый? С песней, как говорится, весело шагать или, по крайней мере, веселей, но «Песню механика», которую заставляет нас петь лейтенант Тупченко, сил никаких нет исполнять. Слова поперёк горла становятся...

– Запев-а-ай!!!

Тут паренёк слева от меня, не обращая внимания на потуги лейтенанта, затягивает – давно забытую родную и потому совершенно неуставную песню:

*Зелёною весной под старую сосной
С любимую Ванюша прощается.
Кольцугою звенит и нежно говорит
Не плачь, не плачь,
Маруся-красавица.*

Ребята встрепенулись. Их запылённые лица осветились улыбками.

– Маруся молчит и слёзы льёт!!! От грусти болит душа её!!! – громогласно подхватили тридцать здоровых глоток. Перед нашими глазами, как на киноэкране, замелькал в луче проектора эпизод из любимого фильма. Спины распрямились, шаг стал четче, каблуки так и впечатываются в раскалённый асфальт...

– Отставить песню! – растерявшийся лейтенант попытал-

ся перекричать строй, одновременно косясь на Большого Зама.

– Кап-кап-кап из ясных глаз Ма-а-а-руси!!! Капают слёзы на копьё!!! – гремит любимая песня.

Голосок «маленького» замполита потонул в гулком рокоте децибелов.

– Отст-а-а-а-виить! – лейтенант срывается на визг – Отставить!!! – расставив в стороны руки, он отчаянно бросился перед строем и перекрыл дорогу.

– Кап!!! Кап! Кап... – наскокивая друг на друга, ребята остановились. Песня постепенно затухает.

Бледное лицо лейтенанта на глазах покрывается красными пятнами:

– Что за самодеятельность?! – запыхавшись хрипит он. – Давай нашу... строевую – «Песню механика»!

К строевой песне БЧ-5, так называемой «Песне механика», у лейтенанта Тупченко было своё особое, тёплое чувство, в какой-то степени, может быть, потому что Тупой сочинил её сам. И этот его, выстраданный в творческих муках, политически и идеологически выверенный продукт он всю последнюю неделю неумолимо вдалбливал нам в головы, с выражением зачитывая рукописный текст из своего замусоленного блокнотика.

Строй не торопился исполнять приказание. Язык, в буквальном смысле, не поворачивался.

– Запевай! – истошно заорал лейтенант.

Делать нечего. На флоте субординация и выслуга лет. И ребята нехотя, в разнобой начали выдавливать из себя слова:

*Там, где всюду бескозырка, ты механик на посту
Ходит-бродит наш корабль, граня волны за версту.
Корабли уходят в море прямо к вражьим берегам
Там, где мы под нашим флагом ходим смерть несём
врагам...*

Тупой счастливо улыбнулся. Размахивая по-дирижерски руками, он, поглядывая украдкой на Большого Заму, шел вровень со строем, проговаривая губами текст и строго следя, чтобы кто-нибудь, не дай, Бог, не соврал слова:

– Ну вот! Совсем другое дело! Про бескозырку – наша песня... механика... А то Маруся какая-то... Левой! Левой! Раз! Два! Три!..

Нюют отбитые об асфальт пятки, кровоточат мозоли в дырявых карасях... «Ходит-бродит наш корабль...», – орём мы в двадцатый раз. Нет конца занятиям.

– Товарищ капитан третьего ранга, грузовики не подошли – докладывает лейтенант Большому Заму, вернувшемуся после десятиминутной отлучки.

Большой Зам хмурится: контр-адмирал ждёт. Не поймёт. До стадиона 10 километров хода. И тут Большой Зам принимает волевое решение. «Лично поведу!» – заявляет он, упиваясь решимостью своего голоса. Задирая вверх все три своих подбородка с таким видом, будто только что поднял бата-

льон в атаку, Большой Зам, потряхивая жирком, решительно сбегает по трапу к нам на стенку.

– Слушай мою команду! – ревёт он, рукой отстраняя в сторону лейтенанта. – За мной, ша-а-а-гом... Ма-арш!!! – И повернувшись на каблуках, Большой Зам, подражая строевому шагу, неожиданно резво зашлёпал ботинками по стенке.

Мы, недоумевая, потянулись следом за политическим начальником. После двухчасовой муштры десять километров казались вечностью. К тому времени, как мы подошли наконец к стадиону, пыль толстым слоем налипла на промокшие от пота белые голландки и бескозырки. Набухший китель Большого Зама испускал густое пряное амбре пота и тройного одеколona. Смотр-репетиция уже подходил к концу. По кругу перед трибуной отбивали шаг несколько групп наших товарищей по несчастью. Большой Зам бросил нас с ходу в бой.

– На пра-во! – скомандовал он, лихо срезая угол с асфальтовой дороги через газон на круг стадиона.

Мы в спешке пытались подстроиться, стараясь идти хоть чуть-чуть в ногу.

–левой!!! – взревел Замполит и шлёпнул ботинком по луже с такой силой, что все три его холёных подбородка вздрогнули и заколыхались.

На трибуне произошло замешательство. Контр-адмирал в явном недоумении наклонился к соседу по трибуне, дивясь такому явлению Христа народу – нашей версии чеканного

шага и тому, что ещё утром называлось парадной формой.

Поравнявшись с трибуной, Зам преобразился, подтянул живот, выпятил грудь и, вскинув пухлую руку к козырьку, рывкнул так, что контр адмирал на трибуне вздрогнул от неожиданности.

– Равнение на... трибуну!!! – Зам залихватски рывком повернул голову в сторону начальства. Сжатые вместе пальцы у козырька Зама от усердия выгнулись в обратную сторону.

Мы вслед за Замом повторили поворот головы.

– Рота стой! – скомандовал вдруг контр-адмирал.

Большой Зам замер от неожиданности как вкопанный, да так резко, что первый ряд строя, следовавшего за ним, налетел на него сзади.

– Вы откуда такие красивые взялись? – интересуется контр-адмирал.

– Тащ контр-адмирал!!! Парадная рота ракетного крейсера «Адмирал Фокин» для парадного смотра прибыла!!! – отрапортовал Зам.

– Почему опоздали?

– Машины не подошли, тащ контр-адмирал!

– А вы как добрались?

– Марш бросок!!! – рапортует Зам, ожидая кульминационной благодарности.

– Куда бросок? Зачем? – недоумевает контр-адмирал. – Мы уже закончили. Это ведь не последняя тренировка.

Но, видя полное замешательство Большого Зама и наши

измученные лица, адмирал опомнился и, взяв под козырек, пробасил:

– Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу!!! – рявкнули мы, с трудом перекрикивая Большого Зама и чеканя шаг, пошли со стадиона в обратном направлении.

* * *

В день ВМФ, 27 Июля с утра прошел дождь, и асфальт был весь в мелких блестящих лужах. Начальство, само собой, посчитало такую ситуацию неприемлемой для глаз Генерального Секретаря. Была немедленно отдана соответствующая команда, и матросы в безукоризненно отутюженных белых голландках несколько часов ветошью (тряпками) сушили лужи на асфальте.

Сам парад удался на славу. В нём участвовало несколько тысяч человек и 20 кораблей тихоокеанской эскадры. Один десантный катер с открывающимся носом заделали под голову морского чудовища. Когда катер подошел к берегу, из него очень эффектно, на утеху высоких гостей вышли на берег Нептун и 33 богатыря. Я шел в составе парадной роты. Наша задача была красиво пройти и убраться восвояси. «Бум-бум», – бил барабан. В голове вертелось наставление мичмана: «Слушайте звук большого барабана и старайтесь попадать под него». Я старался и, повернув голову в сторону

трибуны, до боли в пятках, что есть мочи, лупил левой ногой по асфальту на каждый удар барабана.

На трибуне сидел Горбачёв. Мне, однако, было не до него. Всё, о чем я тогда думал, было то, как удержать на голове набухшую от пота и дождя бескозырку. Она предательски подпрыгивала на моей голове и медленно, но верно сползала набок в такт дроби шагов. Пытаясь сбалансировать смещение головного убора, я постепенно наклонял голову в бок так, что к концу прохода моё правое ухо уже практически лежало на плече. Наконец мы вышли со стадиона, и была дана долгожданная команда: «Вольно!»

– Еле удержал! – выдохнул я, с простодушной наивностью обращаясь к шедшему рядом со мной полторашнику.

Мне почему-то вдруг показалось, что то общее значительное дело, которое мы только что успешно завершили, хотя бы на некоторое время стирало грани жесткой флотской иерархии. Полторашник посмотрел на меня и на мою бескозырку так, что я тут же избавился от всех иллюзий.

– Душара мутный, – сквозь зубы процедил он и, зло, усмехнувшись, многообещающе добавил – на корабле поговорим.

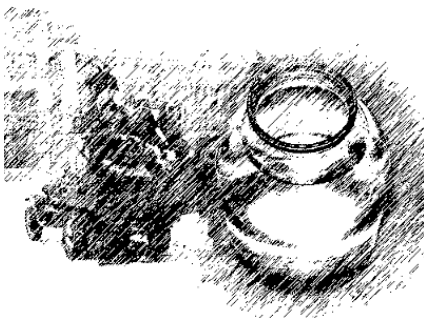
К моей радости, о своей угрозе полторашник забыл, а вот о том, что было бы, если бы я эту бескозырку тогда, на параде, действительно потерял: даже сейчас думать страшно. Очень надеюсь, что Горбачеву наш парад понравился. Мы все очень старались. Честно.

А этот злосчастный куплет про «ходит-бродит» я безуспешно пытаюсь забыть вот уже двадцать лет. Но служебное рвение молодого замполита по продвижению своего идеологического творчества в массы, похоже, сделало своё дело. Надежды, что в конце концов у меня получится забыть этот куплет, мало. А жаль, очень хотелось бы...

Переезд

Моряк никогда не бывает пьян – его просто качает.

(Поговорка)

Беда лейтенанта Тупченко состояла в том, что он пришёл не по нутру не только матросам, но и Большому Заму и тот, в конце концов, выхлопотал, чтобы Тупого перевели на другой корабль. На освободившееся место замполита БЧ-5 к нам пришёл капитан-лейтенант Севрюгин.

Невысокий жилистый со спокойным слегка прищуренным взглядом новый замполит на удивление оказался мужик ничего. Он не заискивал перед Большим Замом, не промышлял левыми прихватами, за что Большой Зам его недолюбливал, а матросы уважали. Особенно приглянулся он нам после случая с переездом.

Севрюгин с семьей переезжал из одной хлипкой однотипной пятиэтажки заснеженного военного городка в другую. Он взял меня и троих моих друзей: Колю Кондрашова, Марса и Халифаева, на берег, чтобы помочь ему с погрузкой вещей. За помощь он нам обещал торт. От торта мы, конечно, не отказались, но Севрюгин мог его и не предлагать. Главное, у нас была возможность выбраться с корабля. Мы просидели на этой железке два с половиной года, практически, безвылазно и теперь цеплялись за любую возможность увидеть хоть что-нибудь, что ещё существует в этом большом и недоступном для нас мире.

Родные писали мне в письмах, как мне повезло, что я служу на Дальнем Востоке, увижу Камчатскую долину гейзеров, неповторимую природу этого красивого края. Мне было сложно им объяснить, что я видел мир только с борта корабля. За три года службы на флоте у меня ни разу не было возможности даже банально искупаться. Какие уж там гейзеры...

Работа по погрузке нехитрых капитан-лейтенантских пожиток спорилась. Мы по двое заходили в квартиру, брали мебель и тащили на улицу в грузовую машину. Всё шло хорошо, но довольно буднично, и тут я, ради интереса, открыл дверцу серванта на кухне и... стало совсем хорошо. В глубине серванта на полке красовалась трехлитровая банка с шилом (спиртом)!

– Ребята, склад! – выпалил я, извлекая из серванта обна-

руженное сокровище.

– Ну, Шура, у тебя нюх! – Халифаев от умиления готов был меня расцеловать.

– Не надо фамильярностей! – шутливо сказал я, отстраняя от себя небритую физиономию своего друга.

Мы, не торопясь разлили шило по найденным в серванте стопкам.

– Ну, за тех, кто в море!

– Это третий тост.

– Ну, тогда за нас! Будем!

Теперь после каждой ходки мы делали небольшой привал, хлопали по рюмашке и, уже повеселевшие, залихватски подхватывали новый предмет. У машины мы не задерживались, загрузили и обратно – работа кипела.

Севрюгин заметил неладное ходок через семь-восемь, когда мы с Колей Кондрашовым зигзагообразно тащили по лестнице здоровенный аквариум.

– Зам ...рыбок.... любит... – глубокомысленно рассуждал Коля и икал.

Любитель рыбок в ужасе подскочил к нам, поддерживая критически накренившийся аквариум:

– Ребята, вам хватит!

Особо не возражая, мы вразнобой закивали головами.

После разоблачения, банка с шилом исчезла из серванта так же магически, как и появилась. Но нам было уже хорошо!

Погрузка закончилась, мы в блаженном состоянии топта-

лись на заснеженной улице, ожидая нового зама. Вдруг видим: навстречу нам по дороге своей подпрыгивающей походкой шагает лейтенант Тупченко. Он что-то оживлённо говорил и размахивал руками. Наверное, вешал на уши лапшу двум сопровождавшим его матросам с его нового корабля, куда его недавно перевели, как учили в «Военполите», входил в доверие.

Поравнявшись с нами, Тупой слегка замедлил шаг и, не дождавшись нашего приветствия, показушно козырнул:

– Здравствуйте, ребята! – молодецки выпалил он, расплываясь в улыбке и дожидаясь ответного приветствия.

Не сказав ни слова, мы, как по команде, отвернулись. Наигранная улыбка сползла с лица лейтенанта. Оторопев, он прошел мимо, делая вид, что ничего не произошло. Он так бы и растаял в темноте, но тут один из сопровождавших его матросов громко и отчетливо заключил:

– Чего-то не любят вас, товарищ лейтенант.

Эти слова прозвучали в морозном воздухе, как оплеуха. Тупой резко, развернулся на месте. Снег брызнул из-под его каблучков. Расправив плечи, нахохлившись, он решительно двинулся к нам:

– Почему без старшего?! – наехал он, не найдя ничего более подходящего, чтобы придрататься.

– Мы здесь с каплеем, – лениво ответил я, не желая расставаться со своим расслабленным настроением.

– Почему честь не отдаете?!

– Кому?

Тупой опешил:

– Да я вам...

Тут в разговор вмешался малость проветрившийся на морозе лаконичный Коля Кондрашов:

– А не пошел бы ты на х**, товарищ лейтенант?

У Тупого отпала челюсть. Он отступил на шаг назад, и секунду стоял, глотая ртом воздух, не находя, что ответить.

– Ты... Вам... Трое... Семь суток ареста! – заорал Тупой, подергивая левым глазом – Доложитесь дежурному офицеру! Я проверю!!!

Мы стояли полукругом вокруг лейтенанта и молча смотрели на его искаженное криком румяное лицо. Коля безразлично сплюнул.

Лейтенант замолк, потоптался на месте, развернулся и, уже не подпрыгивая, направился к ожидавшим его матросам. Они с интересом следили за всем происходящим. Им будет что рассказать по возвращении на корабль...

* * *

Вернувшись к себе на корабль, мы естественно никому ничего не доложили. А на следующий день к нам в кубрик спустился капитан-лейтенант Севрюгин:

– Ну, ребята, вы даёте! – покачал головой он, – А если бы вас Большой Зам прихватил... Всем бы влетело по полной...

А за переезд спасибо.

Себрягин улыбнулся и протянул нам перевязанную тонкой бумажной верёвкой коробку с вкуснейшим песочным тортом! Праздник жизни продолжался!

* * *

А в Тихом Океане я всё-таки один раз искупался, когда мне до дембеля оставалось меньше месяца. Я вдвоём с приятелем выносил с корабля мусор. Воспользовавшись случаем, мы сбежали в самоволку. На двадцать минут. Мы выбежали из части, добежали до берега, разделись догола и, изрезав ноги о ракушки, окунулись один раз в холодной солёной воде. Это мы так поставили галочку, а то спросят на гражданке, и как-то стыдно отвечать, что служба на Тихоокеанском флоте, так ни разу в Тихом океане и не искупался.

Стенгазета

Рисуйте где угодно, но только в центре.
(Указание офицера)

Однажды новый замполит БЧ-5 капитан-лейтенант Севрюгин вызвал меня, Марса и Теплова к себе в каюту.

– Тут, ребята, есть дело. Большой Зам приказал мне дембелей напрячь – на благое дело. У него есть идея насчет конкурса стенгазет. Он ее уже давно вынашивает. Каждая боевая часть должна выпустить стенгазету на злободневную тему: осудить курение на боевом посту, нарушение формы одежды... Ну, как обычно, сами знаете... Назовите ее «Звезда» или «Гудок», чтобы звучало...

– А «За нашу Советскую Родину» можно? – спросил я, подмигивая Марсу.

– Тоже хорошо, – похвалил Севрюгин, не уловив иронии. – Вот и потрудитесь с пользой для общества.

Мы переглянулись. Делать газету, вообще-то, было в лом, ну раз Большой Зам захотел конкурс, что же, будет ему конкурс. Получать канцелярские принадлежности для производства стенгазеты я пошел лично к Большому Заму. Он так хотел.

– Вы, годки, совсем оборзели, – произнес Большой Зам, вальяжно развалившись на стуле и подманивая меня к себе указательным пальцем, – общественно-полезной работы ни хрена не делаете. Вот и поднапрягитесь.

Довольный своей идеей Большой Зам расплылся в улыбке крокодила и торжественно вручил мне коробку цветных карандашей и здоровенный лист ватмана.

– А что писать-то?

– Не знаешь, о чем писать? Напишите две-три маленьких заметки. Про курение, нарушение формы одежды. Не хватает слов – нарисуй картинку. Здесь звезду, там якорь. Понятно?

– Так точно

– Ну вот и действуй. Только смотри, чтоб было остро и актуально. Про курение на боевых постах не забудь. Сделайте мне красиво.

Я согласно кивнул.

– Хорошо поработаете, может, в увольнение в город отпущу, – раздобрился Большой Зам.

– Постараемся, товарищ капитан третьего ранга!

Творить красивую острую и актуальную стенгазету мы устроились в носовой электростанции.

– Ты, Шура, у нас один рисовать умеешь – художником будешь, – определил Марс.

– Без проблем.

– Тёплый, а ты у нас мозгом будешь, материалы будешь подбирать.

– Ладно. А ты сам-то чего делать будешь? Прохлаждать-ся? – беззлобно спросил Теплов.

– Не, я стихи сочинять буду, – скромно произнес Марс.

Мы с Тепловым переглянулись. Ну, стихи, так стихи. Вот и ещё один талант раскрылся. Я расположился на животе на пайолах перед расстеленным листом ватмана:

– Как назовём то? «Гудок»?»... Или «Звезда»??... Про курево и форму одежды...

Ни у кого из нас эти варианты названий особого энтузиазма не вызвали. Броняшка в электростанцию распахнулась и к нам ввалился заиндеветый на морозе дизелист Сагалаков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.